

антология
современной
ПОЛЬСКОЙ
драматургии

/3

Antologia współczesnego dramatu polskiego

18+

Коллектив авторов

Антология современной польской драматургии 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67059231

*Антология современной польской драматургии 3: Новое литературное
обозрение; Москва; 2021*

ISBN 9785444816707

Аннотация

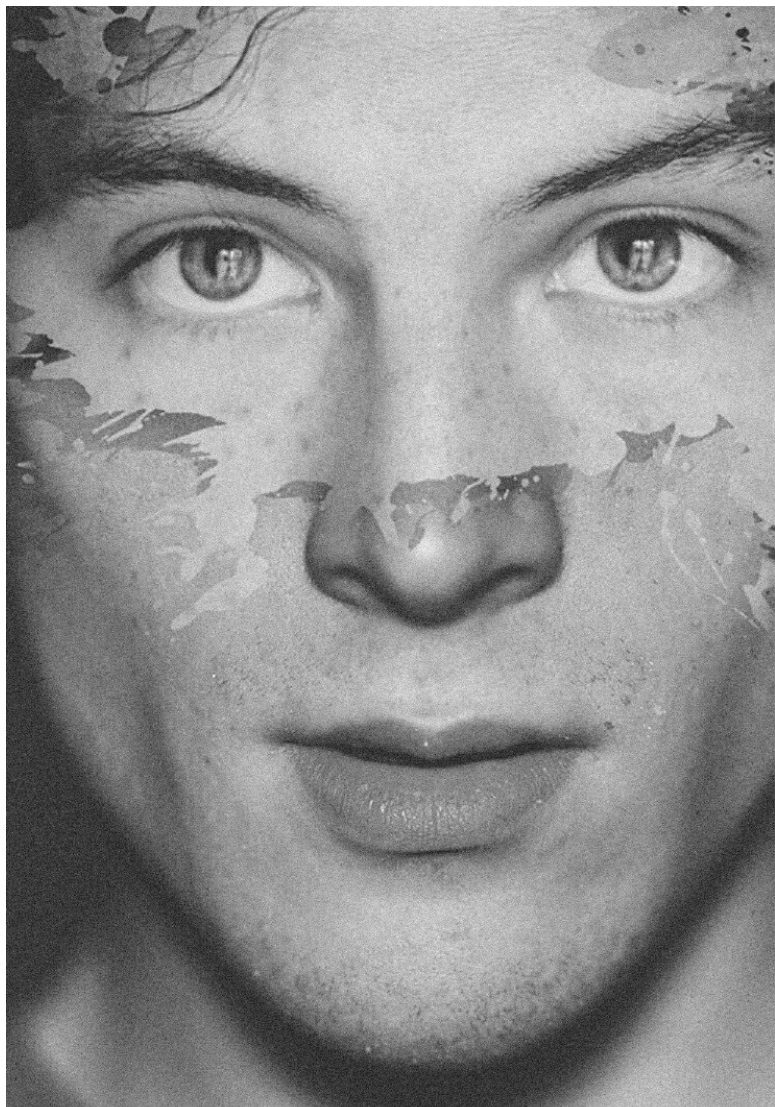
«Гениально...» «Чистая правда...» «Смушает лишь одно – откуда такая осведомленность обо мне?» – пишут российские зрители, посмотрев «День психа», экранизацию пьесы польского драматурга и режиссера Марека Котерского. Схожий опыт – узнавание себя в зеркале иной культуры – предстоит пережить и читателю этой антологии. Кризис идентичности и маргинализация людей, не нашедших себя в посткоммунистическом мире, страх перед будущим и призраками прошлого, нетерпимость к Другому и невозможность понять ближнего – все это оказывается в поле зрения и российских, и польских авторов. Вместе с тем художественный язык осмысления новой реальности в польской драматургии значительно отличается от отечественной театральной практики, и потому, вероятно, польские пьесы так востребованы сегодня на

российской сцене. Эта книга – уже третья антология современной польской драматургии, выходящая в издательстве «НЛО». В ней наряду с новыми текстами хорошо известных в России авторов (Дорота Масловская, Тадеуш Слободзянек и другие) представлено творчество еще не переведившихся на русский язык драматургов, которые с не меньшей страстью ищут ответы на самые животрепещущие вопросы нашего времени.

Содержание

Алёна Карась	7
Олег Лоевский	25
Мацей Виктор	32
Мацей Войтышко	35
Магдалена Драб	122
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Антология современной польской драматургии 3

Алёна Карась

Я – это Другие

Первое, что бросается в глаза в этих тринадцати текстах, то, что их сюжеты, будучи предельно польскими, необычайно резонируют с российской реальностью. И все же перед нами совершенно иной способ видеть, слышать и писать о мире. Бесстрашный, более резкий и разнообразный в экспериментировании с языком. Как бы современно ни выражали себя авторы некоторых пьес, во всех чувствуется связь с интеллектуальной, философической, метафизической традицией польской литературы. Здесь есть антиутопии, «великие импровизации» на материале документальных историй, рассказы от первого лица, конвенциональные мелодрамы и интеллектуальные рефлексии, заново осмысляющие трагические страницы прошлого. Есть даже хип-хоп-поэма. Кажется, что именно изобретательность наряду с бесстрашием могут стать самым важным вызовом для театральных людей России, когда они прочтут новую антологию польских пьес первой четверти XXI века.

Вот хотя бы пьеса «Суп наш насущный» Аманиты Мускарии. Перед нами – довольно обычная польская семья. Во-первых, невозможное у нас название, данное по-английски («Daily Soap»). Название, предложенное переводчиком, пре-

красно отражает его диковинность для русского уха. В нем – скрытая толика печального юмора по поводу давно утраченного смысла, того, что вьелось в повседневность, слилось с ней до неразличимости. Но английское название и вовсе бы не прочиталось. Надо увидеть и открыть ужас того, как «хлеб насущный» превращается в «суп», разжижение мозгов. Поиздеваться через едва различимое сострадание, приобщить к переживанию плотной и склизкой трагедии повседневности. Автор предлагает взгляд на польскую семью (читай – польское общество) как на некий болезненный палимпсест, в котором один слой травмы покрывает другой. Молчание старших о выпавшем из окна брате становится для сестры триггером непонятной тревоги. Это выглядит почти пародией на сегодняшнюю сусальную и безнадежную травматизированность общества. Дочь пытается дознаться, что случилось с ее братом, а бабушка с Альцгеймером рассказывает о муже, в одночасье умершем после войны. Деменция бабушки требует постоянного контроля и сама становится источником неисчислимых, скрытых и явных, семейных катастроф. Сцены, в которых фамильные травмы проступают ночью, как сюрреалистические сны, помогают увидеть и почувствовать изнаночный мир, пропитанный кошмаром повседневности. Чем только не напичкана эта изнанка! Призраки, «диббуки» – давние фетиши польской культуры – живут здесь на правах повседневных кошмаров, рядом с супом и холодильником, набитым всякой всячиной, рядом с мыльными опе-

рами и кроссвордами, тупым препирательством, спазмами одиночества и боли. Маразм бабушки и непроговоренное, «кривое горе» (по удачному выражению Александра Эткинда) погружают эту семью в страшный бульон лжи.

Совсем иначе говорит о прошлом Войцех Земильский в своем «Маленьком рассказе». Его текст и перформанс стали настоящим открытием программы «Польский театр в Москве» в 2011 г. С шести лет живший в Америке, юность Земильский провел в Португалии и внезапно вернулся на родину осенью 2006 г. Именно тогда Институт национальной памяти опубликовал документы, свидетельствующие о том, что его дедушка, граф Дзедушицкий, почти 20 лет был агентом польской госбезопасности. До того внук представлял себе историю семьи совершенно иначе. Рассказывая португальской возлюбленной об истории Польши, он ясно осознал, что больше не хочет иметь с этим ничего общего: «Не хочешь ни Второй мировой войны, ни Первой, ни коммунизма, ни краха коммунизма... Не хочешь холокоста, не хочешь пакта молотова-риббентропа, не хочешь солидарности, не хочешь. Ни ноябрьского, ни январского и вообще никаких восстаний вместе взятых. Не хочешь ничего знать о том, как и когда возникал кто-то, кем ты не являешься. История, которой ты не являешься».

Земильский обращается к себе (к себе ли только?) на «ты» – как к Другому, и мы понимаем, что означает для него катастрофа семьи, правда о деде, – крах фиктивной идентич-

ности. Казавшаяся навязанной история страны в одно мгновение превращается в интимную, вселяется в судьбу и как бы в само тело рассказчика, чей любимый дедушка-аристократ, прошедший три концлагеря, оказывается доносчиком. Для семьи начинается ад, а через два года, в атмосфере общественного остракизма, дедушка умирает. Попыткой разобраться во всем происходящем, прежде всего в своих чувствах, и является «Маленький рассказ». «Что ты знаешь? Что ты узнал? Что познал? Достаточно ли, что ты познаешь самого себя?» Построенный, на первый взгляд, как исповедь, он отражает гораздо более сложную нарративную стратегию.

Пытаясь понять, где начало тому переживанию или состоянию, в которое он был ввергнут, Земильский придумывает сложную систему репрезентации. Прежде всего это апории Людвиг Витгенштейна (в перформансе они возникают на экране через компьютер): «[#471. Так трудно найти начало. Или лучше: трудно начать с начала. И больше не пытаться вернуться назад». Витгенштейн делает рассказ не столько философским, сколько странным, то есть заставляющим смотреть на ситуацию героя с непривычной перспективы. Сходную функцию приобретает и сюжет про тело, про взгляды того или иного современного хореографа. Например, мы читаем рецензии на спектакль Ксавье Ле Руа: «... утрату идентичности он превращает в предмет дискуссии, исследуя точку, в которой пересекаются „Обладать“ телом и „Быть“ телом. Как показать утрату контроля? Тело словно

перестает быть носителем информации и становится расчлененной вещью, которая постоянно меняется в зависимости от угла зрения. Кажется, что у тела Ксавье Ле Руа есть туловище, но нет головы. Это, разумеется, иллюзия: именно голова движет этим существом будь то на сцене или в уме».

Рассказчик и герой пьесы Земильского осмысляет саму ситуацию перемены участи. Он проводит нас через меланхолию утраты, безнадежности и в конце концов – обретения любви. В какой-то момент он почти кричит (хотя вся интонация «Рассказа» – сдержанно отстраненная): «То, что важно, оказывается не для кино, оно не взрывается, не блестит, а происходит незаметно, какая жалость, происходящее размывается в банальности. Ты восхищаешься молодчиками из ИПН [Институт национальной памяти. – А. К.], которые даже такое могут подать красочно. Дело во лжи или в невежестве?»

Вот еще что объединяет некоторые пьесы из этого сборника: в них «происходящее размывается в банальности» и вызывает к постоянной работе мысли. Незначительность, повседневность взламывается и препарировается с помощью самых разных жанровых и интеллектуальных стратегий, чтобы высветить опасную в своей неразличимости «банальность зла». Помню, как в одной из рецензий на показ «Маленького рассказа» в Москве прозвучала мысль, что у нас, возможно, никто бы не заметил такого короткого (в 50 минут длиной) моноспектакля, а в Польше он стал частью большой дискуссии

о лустрации, праве на гнев, боль и переживании страшной истории поколением постпамяти.

Читая эти пьесы подряд, видишь, насколько сильно они пронизаны чувством неиссякаемой связи с болезненным прошлым.

Схожий сюжет, вывернутый наизнанку, предложил известный в Польше драматург Войцех Томчик. Это совсем иной подход к переработке болезненного прошлого, будь то Холокост или эпоха коммунистической Польши. Вместо не всегда прозрачных решений, богатых сложными аллюзиями, которыми оперирует Земильский, в этой пьесе использована емкая, но ясная аналогия. В самом названии «Нюрнберг» (2005) – неприкрытое требование наказания, сходного с процессом над руководством нацистской Германии. Речь идет о тех, кто служил коммунистическому режиму, вольно или невольно уничтожая семьи, карьеры, а порой и сами жизни людей. Журналистка, пришедшая взять интервью у офицера военной контрразведки в отставке, сталкивается со встречным предложением полковника: он хочет рассказать Ханке свою биографию, которая страшно переплелась с жизнью и смертью ее отца. Он жаждет наказания, жаждет, чтобы его судили и таким образом высказали отношение к палачам коммунистического режима, если не ко всем, то хотя бы к одному из них. Структура пьесы основана на почти детективном напряжении и остроте нравственной коллизии. Признания полковника заставляют Ханку буквально

леденеть. И чем больше тот говорит о прошлом, тем очевиднее его связь с настоящим. Неосужденные преступления (а в случае отца Ханки речь идет о политическом убийстве) порождают замкнутый круг политического и гражданского равнодушия. Именно это толкает полковника на столь экстраординарное решение. В финале пьесы происходит новое преступление, новое убийство. Правда, рассказанная бывшим палачом, страшит спецслужбы уже нового, посткоммунистического государства.

Тадеуш Слободзянек в «Истории Иакова. Трагедии в XXX эпизодах» продолжает не только огромную традицию польской рефлексии о Холокосте, но и собственные взаимоотношения с этой едва ли не самой болезненной темой национального самосознания. После пьесы «Наш класс», ставшей хитом и поставленной во многих странах, в том числе в нашей, он едва ли не приватизировал театральный дискурс о судьбе евреев во время Второй мировой войны. Основанная на документальных свидетельствах, эта пьеса тем не менее жестко встроена в традицию мелодраматического повествования. Сострадавая и оплакивая судьбы убитых евреев, читатели и зрители «Нашего класса» переживают состояние катарсиса, то есть очистительного освобождения от боли. В отличие от легендарного спектакля Тадеуша Кантора «Умерший класс» (1975), где осознание исчезновения целого народа возникало тем более страшно, чем более внезапно, «Наш класс» назидателен и патетичен от начала до конца. Там уро-

ки истории кажутся не столько заданными, сколько уже переработанными и решенными. Об этом самоутешительном эффекте пьесы Слободзянека стоит помнить, беря ее в руки. Впрочем, среди нескольких спектаклей, уже поставленных по этой пьесе в России, есть не только сентиментальные, но и очень жесткие интерпретации.

Пьеса «История Иакова» тоже предлагает ситуацию узнавания, когда из прошлого приходят новые и шокирующие свидетельства. Это еще один популярный сюжет, связанный с судьбой евреев в послевоенной Польше: многие выжившие в Катастрофе были усыновлены польскими семьями или сменили имена, фамилии, национальность, подверглись вынужденной ассимиляции. Герой и одновременно рассказчик становится ксендзом, но постепенно узнает, что он не поляк, а еврей, усыновленный польской семьей. Путешествие Мартина-Иакова на историческую родину через множество разочарований и потерь, наконец, символический финал, где герой, сбегав из кибуца, стоит на распутье, автор определяет как «трагедию». Правильно было бы сказать – мелодрама. Ведь, несмотря на ужасы, в жизни случается много хорошего, а мучительные испытания – неизбежный удел человеческий. Слободзянек намеренно уходит от интеллектуальных провокаций и сложных конструкций, заставляющих мучительно искать свою позицию, свой ответ на болезненные вызовы прошлого.

И все же даже в таком популистском формате эта пьеса го-

ворит о важных и болезненных сюжетах современного польского общества. Напряженный диалог с реальностью отличает, пожалуй, все представленные в антологии тексты.

Но, пожалуй, самый яркий и вдохновляющий опыт такого диалога предлагает хорошо известный в России автор Дорота Масловская в новой пьесе «Другие люди», которая была представлена в форме читки на фестивале NET. В сущности, это не столько пьеса, сколько «текст или хип-хоп-поэма», как квалифицирует ее сам автор. В ней ритмизованная нарративная структура, испытывая напряжение реальности, срывается в драматический диалог и вновь возвращается к синкопам и лихорадочным ритмам хип-хоп-поэзии. Что касается названия, Дорота Масловская сказала, что это едва ли не самая популярная идиома в сегодняшней Польше – все проблемы коммуникации легко объясняются фразой: «Это другой человек». Исследуя обыденную простоту подобной реакции, блестяще имитируя реальный поток коммуникации, эта сленговая, подраненная, ущемленная речь превращается в судорожную и захватывающую поэзию города. Наркотики, социальное неравенство, одиночество, фантомы героического прошлого, разрывающие мозг и испещряющие татуировками тело, разочарованность в системе перерезанного капитализма, украинцы-гастарбайтеры, ксанакс, который спасает героиню от нелюбви... Варшава, ее топонимика, ее голоса, звуки микроволновки, телефона – все аукается через поэзию языка, во всем слышна болезненная акустика мега-

полиса.

Гжегож Яжина, поставивший спектакль по этой пьесе в театре «ТР Варшава», визуализируя текст, населил сцену множеством экранов и мультимедийных потоков. Но кажется, что в варианте читки, сделанной в Москве Войцехом Урбаньским, музыкальное многоголосие пьесы в переводе Алексея Крижевского возникало едва ли не ярче. Камиль и Ивона – два главных голоса в этом тексте – живут точно на разных планетах, и в точке их пересечения возникает тоскливый и болезненный спазм, сбой коммуникации, вожделение, похожее на любовь, но ведущее только к смерти. Каждый из них – Другой не только по отношению друг к другу, но и к самому себе. Их речь (как и все остальное) представляет собой ошметки массмедиа, рекламы и пропагандистских клише.

Масловская как никто в польской литературе умеет распознавать идиолекты и превращать их в язык. А мы получаем уникальную возможность за два часа прорваться к самому сердцу польской современности, где отрывка капитализма звучит примерно так, смешно и страшно: «За его зарплату пусть не поляки копошатся, а украинцы-психопаты». Ксенофобия возникает в тексте как одно из зеркал Другого, но суть именно в том, что все иные зеркала тоже погружены в отчуждающую магму языка.

Еще один ксенофобный сюжет предстает перед нами в пьесе известного польского прозаика и драматурга Анджея

Стасюка «Темный лес». Если представить все произведения из этой антологии как один сплошной «польский текст», то антиутопия Стасюка – как бы сиквел, продолжение пьесы Масловской. Все происходит в скором будущем, где неработающие жители Польши давно и привычно живут за счет выходцев с Востока. Причем украинцы и белорусы, которые рубят лес, сами уже готовятся перейти в состояние «трутней», а свою позицию рабов отдать китайцам. Сочетание абсурдности, фантазмагии, юмора и ужаса вызвало острый интерес к этой пьесе со стороны МДТ – Театра Европы. Ее поставил ученик Льва Додина Сергей Щипицын в 2012 г.

Другие тексты тоже оказались на сцене еще до выхода книги. В Калининграде прошла лаборатория «Соседи», в рамках которой российские режиссеры подготовили четыре эскиза.

В небольшой эскизной зарисовке режиссера Елены Невежиной по пьесе Войцеха Фаруги «Невесомость» речь идет о советских космонавтах, запертых на год в лабораторных условиях космического корабля для проверки возможностей полета на Марс. События середины 1960-х гг. с их риторикой и «коллективной чувственностью», как назвал бы это философ Игорь Чубаров, становятся полигоном для испытания человечности. Невежина с небольшой группой актеров поверх пьесы создала тонкий, сложный диалог в психоделическом духе. Юмор, короткий росчерк парадоксального стиля – и вот мы видим, как вера в космическое будущее тонет

в депрессивном и несовершенном мире человеческой души, заполненном самыми тривиальными заботами. Неожиданно в эскизе и последовавшей за ним дискуссии проступили очертания наших дней: ведь невесомость и есть состояние современного человечества, опасно зависшего над бездной, между прошлым и будущим, утратившего энтузиазм коллективной утопии и провалившегося в постисторическую меланхолию.

Режиссер Филипп Гуревич выбрал для показа пьесу Марек Котерского «День психа». Трагикомедия о школьном учителе литературы, переживающем кризис среднего возраста, написана в 2000 г. и в Польше давно разошлась на цитаты, прежде всего благодаря юмору и филологической изобретательности. Автор просит внимательно следовать 13-стопнику, силабо-тонической метрике, характерной для фольклора, а также русской литературы рубежа XVII–XVIII вв. (Симеон Полоцкий и др.):

О, братья-полонисты, сестры-полонистки!
Сто тридцать было нас на первом курсе.
Мы думали, что ухватили за хвост удачу;
что мы попали в Школу Поэтов! Где там,
пять лет, вся молодость в библиотеках...
А дальше – бедность... разочарование...
Потом отчаянье и старость... старость париев...
И повсеместное презрение властей –
от диктатуры и до демократии – которые нас,

бумагомарак, не ставят ни во что.

Ну почему любая власть нас презирает...

Что красная, что белая – для них мы мусор.

В этой пьесе отразилось нечто существенное не только для польского самосознания рубежа тысячелетий. По сути (как и в половине представленных здесь пьес) действие представляет собой рассказ, населенный множеством персонажей: мать, психотерапевт, массажистка-китаянка, женщина-полицейский, бывшая жена... Всплывая в инфантильном сознании гуманитария, эти образы вместе со стихами Адама Мицкевича и музыкой Шопена становятся обыденным шумом, сливаются с наставлениями матери, к которой герой вернулся после короткого и неудачного брака. Мягкая, аморфная природа персонажа, ироничного и фрустрированного варшавского интеллигента, прекрасно сыгранного в фильме Марка Котерского Марекон Кондратом, в калининградском эскизе тоже удалась. Трагикомическая природа человека 1990-х, зависшего между временами, на удивление точно оказалась слышна молодым актером совсем другой эпохи. Перемешав сарказм с меланхолией, российский режиссер также отправляет сюжет в своего рода невесомость, хотя намного более вязкую, плотную, переполненную вещами и предметами. Невесомость как зависание в пустоте...

Кирилл Сбитнев показал очень подробный эскиз пьесы

«Суп наш насущный» Аманиты Мускарии, о которой уже говорилось выше. В нем повседневная жизнь большой семьи, переданная через процесс методичного поглощения пищи и телевизионного мыла, приобретает очертания гротескные и символические. Три поколения, включая бабушку с Альцгеймером, ежедневно садятся за стол, едят, беседуют, ругаются и смотрят сериал «Счастье». Само название пьесы отсылает к термину daily soap – мыльная опера. Все это только камуфлирует страшную семейную травму – смерть ребенка, случившуюся много лет назад. Между сюрреализмом и гипернатурализмом, исполненная фрустраций и маленьких ежедневных пыток, свершается жизнь этих людей. Мать-лунатичка время от времени кусает себе руку до боли, дочь уезжает, чтобы голоданием обновить клетки (а может, сделать аборт)... Режиссер сгущает этот трагикомический ад, чтобы в финале отец прокричал, наконец, правду о смерти ребенка. И в дом возвращается радость. Так небольшой, но ярко придуманный эскиз обретает значение серьезного высказывания о сегодняшнем мире и истории, о политике молчания и терапевтической силе правды.

Во многом о том же размышляет и молодой режиссер Александр Плотников в своем эскизе по пьесе Марты Соколовской «Рейкьявик '74». Пьеса написана в 2016 г. по следам реального преступления сорокалетней давности, совершенного в Исландии. Но в соответствии с новыми фактами, о которых узнала Марта, текст был изменен. Он вообще прин-

ципиально открыт к новой реальности. Так, персонажи носят имена польских актеров, вместе с которыми сочинялась пьеса. А в предуведомлении драматург предлагает всем другим актерам пользоваться своими именами, делиться, когда необходимо, собственными историями и личным опытом.

Сюжет основан на убийстве двух молодых мужчин, пропавших без вести в одном и том же районе и так и не найденных. Следствие не предъявило никаких доказательств, но в загадочном преступлении обвинили, основываясь исключительно на косвенных уликах и признательных показаниях, шесть человек. В октябре 2018 года Верховный суд Исландии оправдал пятерых из них.

Бесстрашно, как будто ставя уже готовый спектакль, Плотников соединяет несколько уровней «правды», находя для них интересный художественный язык. Три потока свидетельств сливаются в сложно устроенный рассказ о так и не раскрытом преступлении. Как сказано в пьесе, о преступлении не известно ничего, есть только пустота, припорошенная снегом. Калининградские актеры, называющие себя то именами польских коллег, то собственными, то именами исландских персонажей, открывают перед нами пазл странных фактов. Через три года следствия Сайвара Цесельски, его девушку Эртлу и их друзей приговаривают к самым крупным в истории Исландии срокам за жестокие убийства и соучастие в них.

Калининградские актеры фантазируют вместе с режиссе-

ром и драматургом, и публику затягивает как в воронку в этот страшный исландский сюжет, ставший национальным мифом и национальной травмой. Бывший рейкьявикский полицейский Гисли Гудьонссон, написавший об этом книгу, назвал все происшедшее синдромом недоверия памяти – memory distrust syndrome, что означает глубокие сомнения в верности собственных воспоминаний. Аберрация памяти и самооговоры у этих молодых людей середины 1970-х случились после длительных допросов. К тому же ребята принимали ЛСД. Дело шло к развязке. Чтобы ее ускорить, Министерство внутренних дел пригласило иностранного консультанта. Им оказался Карл Шутц, работавший в германской полиции времен Третьего рейха и «прославившийся» в 1975 г. в деле RAF (Rote Armee Fraction, леворадикальная террористическая организация, действовавшая в ФРГ в 1968–1998 гг.). Именно он вел многочасовые садистские допросы, направленные на то, чтобы свести все к одной непротиворечивой версии. Все это мы узнаем постепенно – от следователя, интервьюера, автора, с экрана – из кинокадров, где актеры играют своих исландских персонажей, или из фрагментов документального фильма, посвященного этому загадочному и страшному делу.

Сквозь разные режимы рассказа протекает само время, волнуя своей непостижимой и мерцающей тайной. В спектакле так же мало определенного, как в самой истории. Мягкий, совсем не брутальный Сайвар, кажется, умер в тюрьме

или вскоре после освобождения. Чуть постаревшая, но не потерявшая прекрасный хиппейский облик Эртла продолжает задавать себе вопросы без ответов, в том числе о собственном предательстве.

Но бессмысленный ужас случившегося оказывается пронизан любовью. В самом финале, развернув вместо судебного стола огромный матрац, режиссер дарит бывшим возлюбленным неожиданную и потрясающую по красоте сцену. Живая и мертвый, уничтоженные модой на ЛСД, исландской судебной системой 1970-х, страшным призраком Третьего рейха, они лежат, обнявшись, засыпаемые снегом или пеплом своей загубленной жизни... Так заканчивается этот удивительный спектакль, ставший настоящим подарком русско-польской лаборатории «Соседи» в Калининграде. Кажется, что он легко мог бы войти в репертуар любого из российских театров. Кстати, летом 2021 г. состоялась российская премьера этой пьесы в Красноярском театре драмы в постановке того же режиссера.

Несмотря на близость тем, волнующих российских и польских драматургов, не могу себе вообразить в русской драме ничего подобного тому, что представлено в этом сборнике. Почему? Скорей всего – из укоренившейся в нашей культуре привычки надеяться на лучшее... Некая презумпция победы, презумпция надежды висит в воздухе русско-го сознания, редко впускающего в себя абсурдистский космос пустоты, безнадежности, предельные парадоксальность

или сарказм. Опыт иного видения мира необычайно важен для русской сцены, и польский взгляд всегда был существенной частью этого опыта. Но именно в последние годы Россия и Польша резко притормозили свои обменные программы, бурно развивавшиеся в первой половине 2010-х гг. (стоит упомянуть хотя бы проект 2011 г. «Польский театр в Москве»). После амбициозных столичных проектов режиссерская лаборатория на Балтике, как и другие подобные ей, могли бы показаться слишком маленьким театральным событием. Но это не так. Проникновение в миропонимание соседей через новые тексты о театре, спонтанное обретение знания о Другом через эмоцию и образ – это ли не лучшее, что может дать театр?

Олег Лоевский

Предисловие

Еще недавно появление антологии современной польской пьесы на прилавках книжных магазинов означало чуть ли не новый виток в жизни российского театра. Но, как известно, времена меняются, и современная польская драматургия уже внесла свой вклад в нашу театральную жизнь. Скорость распространения информации и ее стремительные метаморфозы еще раз доказывают: все значимое должно быть зафиксировано «на бумаге». И это правильно, хоть и дань ушедшему XX веку. До публикации многие из этих драм были представлены в театральных лабораториях, читках, специальных акциях. Прошли премьеры. Есть уже и критические статьи, и анализ текстов в рамках исследования творческого пути того или иного драматурга. То есть эти пьесы уже живут своей жизнью: отдельной от авторов, переводчиков и даже Польского института в Москве, который инициировал данное издание.

В списке авторов настоящей антологии есть ряд имен, которые в контексте российского театра уже обрели в глазах зрителя некоторые устоявшиеся черты, темы, определенный мировоззренческий вектор. К ним относится Анджей Стажук. Его пьеса «Ночь» и ставилась, и не раз участвовала в

читках, работе лабораторий и семинаров. На мой взгляд, это очень польскоцентричный автор, однако общее прошлое наших стран, схожая деформация нравственных понятий дают возможность через Польшу понять Россию. Наверное, еще и поэтому его пьеса «Темный лес (Восток – это Восток...)» еще в 2012 году вошла в репертуар одного из ведущих театров России – МДТ – Театра Европы (Санкт-Петербург). Анджей Стасюк пишет антиутопию, т. е. пытается заглянуть в будущее – сороковые-пятидесятые годы XXI века, но обнаруживает там проступающие повсюду черты прошлого. Причем прошлого во многом закольцованного, то есть бесконечно повторяющегося: не слишком отличающиеся от поляков, но батрачащие на них и обязанные носить накладные усы, словно желтые звезды, представители некоего «восточного» (читай – худшего) пространства, периодически звучащий «Интернационал», а главное – глубинное равнодушие к ближнему. И, конечно же, часто встречающийся знак будущего – китайцы, которые быстро и безучастно решают проблемы других. Европе угрожает сама Европа, а китайцы – неминуемый Фортинбрас.

Еще один значимый для современной русской сцены польский автор – разумеется, Дорота Масловская. «Двое бедных румын, говорящих по-польски» – это сотни сцен и сотни счастливых актеров в ролях Парха и Джины. Пьеса «У нас все хорошо», поставленная в театрах Москвы, Перми, Саратова, – блестящий анализ того, что произошло с

людьми, не просто потерявшимися на постсоветском пространстве, но потерявшими свой голос, страну, национальность. Хип-хоп-пьеса «Другие люди» отчасти продолжает темы «У нас все хорошо». Только теперь герои Масловской – не те, кто живет в переходный момент истории, а люди, проживающие в «упорядоченном» мире: «Серые лица, люди без мечты и без желаний даже / Праздники, праздники и после праздников распродажи / Столько у них мечтаний, сколько экран покажет / Праздники, праздники и после праздников распродажи». Новые ритуалы и новые заклинания определяют эту новую жизнь, состоящую из кредитов и адюльтеров, 30 % – фитнес, 70 % – диета. Эскиз-читка этой пьесы с большим успехом прошла в Москве в рамках ведущего европейского театрального фестиваля NET.

Появление на российской сцене нового имени – Тадеуша Слободзянека с пьесой «Наш класс» – можно сравнить с эффектом разорвавшейся бомбы. Как ни странно – а может, и совсем не странно, – но в российской драматургии не нашла отражение такая болезненная тема XX века, как Холокост. Были пьесы, связанные с погромами – дореволюционной еврейской бедой, но Холокост, не без участия государственной идеологии, как бы растворился в катастрофе Второй мировой войны. «Наш класс» заставил современного зрителя заглянуть в глаза этой трагедии. И не в привычном ракурсе «нацизм/евреи», а в самом житейском: ты и другие.

«История Иакова. Трагедия в XXX эпизодах» лишь на

первый взгляд разрабатывает похожую тему. Однако история католического ксендза, который узнает, что он еврей, спасенный польской семьей во время войны, и которому предстоит непростой выбор, становится поводом для серьезного размышления о том, что государство, национальность, вероисповедание – лабиринт, из которого нет выхода.

Особое место в антологии занимает пьеса «День психа» Марека Котерского. На русском ютубе одноименный фильм набрал 324 112 просмотров и 1 700 лайков. Чаще всего среди 276 комментариев – помимо «фильм – супер» – встречается: «я живу так же». Вот наиболее типичная реплика: «Замечательно! Смущает лишь одно – откуда такая осведомленность обо мне?» Простой человек в большом городе. Современный человек с его страхами. Одиночество среди толпы. А главное: жизнь прожита как не своя. Все эти проблемы не просто актуальны, они толкаются и кричат, взывают и требуют обратить на себя внимание и предпринять какие-то шаги. Но в итоге помогают только беруши.

Пять из тринадцати пьес, представленных в антологии, так или иначе работают с документом. И это тоже – ощутимая тенденция времени, попытка поймать неизбежно ускользающую реальность. Нарратив вымысла часто оказывается бессилён перед «голой» жизнью, и авторы заходят на территорию фактов и готовых сюжетов, пытаясь обыграть реальность на ее же поле. Но чистый док, который так уверенно заявил о себе в начале века, вскоре попадает в тот же «кап-

кан художественности», и даже самые актуальные и шокирующие истории на практике воспринимаются как выдумка.

Марта Соколовская в пьесе «Рейкьявик '74» решает эту проблему при помощи изящного удвоения реальности. Документальная история шести исландских хиппи, которые полжизни отсидели в тюрьме за не совершенное ими убийство, монтируется с репликами актеров, обсуждающими это дело и попутно выясняющими отношения между собой. Реальный текст полицейского допроса перемежается импровизационным, вымышленным – и это создает второй слой действительности, над которым Соколовская надстраивает еще и третий, мифологический: арестанты вдруг начинают говорить языком исландского эпоса. Весь этот монтаж реального/выдуманного, важного/неважного, актуального/неактуального создает атмосферу, из которой на зрителя выступает реальность, как она есть. В наиболее острые моменты мы прикасаемся к неразбавленной, стопроцентной действительности и оказываемся лицом к лицу с подлинным чувством и подлинной болью.

Схожим образом работает Артур Палыга, автор пьесы, посвященной Марии Склодовской-Кюри. Он оставляет два смысловых поля: биографию Кюри и ее внутренний лирический монолог. Как известно, Мария Кюри открыла феномен радиоактивности и в честь своей родины назвала новый элемент полонием. Драматург производит словно бы обратную операцию: в пьесе не Польша становится полонием, но поло-

ний – Польшей. И вся известная нам история XX века отыгрывается через метафору радиоактивности и распада.

Пьесы «Невесомость», «Нюрнберг», «Рождение Фридриха Демута» также обращаются к документальным сюжетам, косвенно связанным с Польшей или Советским Союзом. Вообще, складывается ощущение, что авторы с самых разных сторон пытаются «вскрыть» историю своей страны. Парадный вход завален обломками, и приходится искать какой-то черный ход, потайной лаз. Чтобы вступить во взаимодействие с прошлым и избежать при этом шаблонов и готовых ответов, надо постараться зайти в него с неожиданной стороны.

Драматургические тексты мгновенно переводятся на разные языки, и все возможности для проникновения их на зарубежную сцену открыты. Однако при этом – парадоксально – очень затруднены: потоки информации перебивают друг друга. В России один из самых действенных способов знакомства театра с новыми пьесами – театральная лаборатория. В конце 2020 года в Калининграде в Трансграничной польско-российской режиссерской лаборатории «Соседи» участвовали четыре пьесы антологии. Четыре режиссера в течение пяти дней работали над текстами, и в результате четыре эскиза, представленные на театральной сцене, стали предметом дискуссии для зрителей и критиков.

Авторы этих пьес пока не очень известны в России, но Лаборатория уже дала толчок для знакомства. Обсуждение эс-

кизов после показа подтвердило правильность выбора пьес, продемонстрировало общность культурных кодов и совпадение многих болевых точек в сегодняшнем состоянии наших стран. Благодаря этой Лаборатории уже состоялась премьера пьесы «Рейкьявик '74» на сцене Красноярского театра юного зрителя (режиссер Александр Плотников).

Новая антология современной польской пьесы несет в себе огромный энергетический заряд. Авторы бесстрашно бросаются в мучительные поиски смыслов и ответов на животрепещущие вопросы. Будущее, которого так долго ждали, наступило, но оказалось совсем не тем, о котором мечталось. Пожалуй, будет кстати вспомнить литературный термин пятидесятых: «Angry young men» – «Рассерженные молодые люди». Авторы порой не молоды, да и не рассержены – они в ярости. Реальность не оставляет им выбора. Она требует от них участия и рефлексии. И польские авторы, каждый на своей территории, отважно постигают эту реальность.

Мацей Виктор

Вместо вступления

Повествование творит мир. Именно рассказанные истории придают реальности смысл и упорядочивают ее. Нашу реальность формирует не только то, что, но и то, как мы рассказываем и кому позволяем говорить, а также то, встраиваем ли мы свою историю в слаженное звучание хора или, быть может, выбираем иную роль, повествуя о мире на свой лад. Бесконечный танец больших и малых историй, наперебой заявляющих о себе, – это причудливый процесс творчества, в котором мы ежедневно участвуем и как слушатели, и как рассказчики.

Поэтому очередной том антологии польской драматургии, которую вы, дорогие читатели, держите в руках, призван развить направление, заданное предыдущими изданиями, наметившими карту современной польской драматургии с ее материками, островами и вершинами. Теперь мы предлагаем продолжить работу над этой картой, поскольку на территории, которую она охватывает, все еще остается множество удивительных, достойных изучения мест. Мы открываем и расширяем для вас область польской драматургии, вводя как совсем новые имена, так и уже известные в Польше, но еще не признанные в России. К числу драматургов, с которыми

ми успел познакомиться российский зритель и читатель – таких, как Масловская, Слободзянек или Войтышко, – добавляются новые фигуры, представляющие различные направления, исследующие другие пространства, ищущие способы раздвинуть рамки того, о чем мы говорим, и изменить перспективу, с которой смотрим на то, что считали само собой разумеющимся.

В этой антологии вы найдете истории, рассказанные с женской точки зрения. Разговоры о прошлом и попытки свести счеты с (пост)коммунистической системой власти – как того, кто служил ее винтиком, так и потомка человека, обвиненного в сотрудничестве с органами госбезопасности. Голоса тех, кто не выиграл в результате смены строя. Демифологизацию широко известных фигур и историй, пародию на архетипы Матери-польки или учителя польской литературы, сеющего разумное, доброе, вечное там, где оно никому не нужно.

Эти тексты были созданы в разное время, но их объединяет процесс рефлексии над прошлым и настоящим. Одной из важнейших черт театральной жизни Польши является в последние годы стремление проработать историю – на национальном, социальном или личном уровне. Театр способен сыграть здесь аутотерапевтическую роль, ведь именно он идеально подходит для визуализации наших (как тех, кто творит спектакль, так и тех, кто его смотрит) страхов, мечтаний и фантомов.

Обращение в пьесах к неудобным темам, выявление условностей, традиций и стереотипов, определяющих наши позиции, повествование с неожиданной точки зрения – все это было трудным, но плодотворным процессом, открывшим новые территории для создателей спектаклей, а следовательно, и для зрителей. Ключом же к преобразованиям стали драматургические тексты – неизменный фундамент театральной жизни.

Мацей Войтышко

Рождение Фридриха Демута

Действующие лица:

ЕЛЕНА ДЕМУТ, она же ЛЕНХЕН или НИМФА – служанка МАРКСОВ – 28 лет

ЖЕННИ ФОН ВЕСТФАЛЕН – жена МАРКСА – 36 лет

КАРЛ МАРКС – 32 года

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС – 31 год

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ – 24 года

А также шестилетняя ЖЕННИХЕН по прозвищу «КВИ-КВИ», пятилетняя ЛАУРА, трехлетний ЭДГАР и годовалый ГЕНРИК «Фоксик» Гвидо – дети Марксов.

АКТ 1

Сцена 1

Раннее утро. Квартира МАРКСОВ в Лондоне на Дин-стрит, 64. Июль 1850 года. Бедно и грязно.

Колченогие стулья. Стол с книгами. Разбросанные детские игрушки. Много корзин, чемоданов, свертков. Ночной горшок. Всего две комнаты. Одна служит спальней для всех домочадцев.

Двадцативосьмилетняя служанка МАРКСОВ ЛЕНХЕН моется в тазу. Она сняла блузку (бюстгальтера нет) и брызгает на себя водой. Входит ЖЕННИ МАРКС в ночной рубашке. Она беременна, но пока это не заметно.

ЖЕННИ: Что это ты подорвалась

ЛЕНХЕН: Не спится

ЖЕННИ: Жара

ЛЕНХЕН: Жара

Странный город этот Лондон

Здесь все не так

Как-то душно

ЖЕННИ: Подожди не уноси

Жалко воды я тоже сполоснусь.

(Раздевается и моется в этом же тазу)

Помоги мне

Хочешь мой старый корсет?

Тебе кажется подойдет

ЛЕНХЕН: Правда?

Вам не нужно?

ЖЕННИ: Нет

Нельзя так

Здесь не деревня

(Вынимает из сундука корсет)

Возьми примерь

ЛЕНХЕН: Но это нужно сзади завязывать

ЖЕННИ: Я или

Кви-Кви

Кви-Кви уже умеет

Завязывать бантики

Большая девочка

(ЛЕНХЕН хочет поцеловать руку ЖЕННИ)

Ленхен сколько раз говорить

Никакого целования рук

ЛЕНХЕН: Но вы так добры

ЖЕННИ: Носи на здоровье

(Детский плач. В дверях появляется МАРКС. Он не обращает внимания на то, что женщины не вполне одеты)

МАРКС: Жара

Не выливайте воду.

(Детский плач)

Сцена 2

Некоторое время спустя – эта же квартира через

несколько часов

ЭНГЕЛЬС и МАРКС экзаменуют ЛИБКНЕХТА.

(Вначале на заднем плане слышен плач ребенка, в открытую дверь видна люлька. МАРКС выходит из комнаты, где он успокаивал малыша, и продолжает беседу)

МАРКС: Мир

Речь идет о мире, а не об одной-двух странах

ЛИБКНЕХТ: Да, конечно, мир

Я всегда говорю «мировая революция»,

а не «немецкая революция»

Мировая

Пролетарская

Вернее – мировая пролетарская революция

Немецкий обыватель не понимает

Ничего не понимает

Немецкий обыватель думает

что можно обойтись какой-нибудь филантропией
защитой животных

пропагандированием воздержанности в еде и питье

Обыватель он и есть обыватель

ЭНГЕЛЬС: Ты мерил ему голову?

МАРКС: Нет

ЛИБКНЕХТ: Что такое?

ЭНГЕЛЬС: Вы слышали о френологии?

ЛИБКНЕХТ: Да. Это разновидность физиогномики.

ЭНГЕЛЬС: Научная.

ЛИБКНЕХТ: Научная?

ЭНГЕЛЬС: Молодой человек

Боюсь показаться невежливым

Но вы меня все время

подозреваете

Вы все время думаете

что это

что я хочу вам навредить

ЛИБКНЕХТ: Нет отчего же

Почему же

Я ничего такого

ЭНГЕЛЬС: Ну так если Карл Маркс говорит вам

что френология это наука

А я вам говорю

что это научный метод

почему вы не хотите дать себя обследовать?

ЛИБКНЕХТ: То есть что

Что я должен делать?

(Из соседней комнаты слышится детский плач.

МАРКС выходит)

ЭНГЕЛЬС: Сидеть прямо когда Маркс

будет делать измерения.

Может вы боитесь

или вас обижают

или может вы чувствуете себя униженным

униженным себя чувствуете
думаете что я и Маркс
хотим вас унижить?

(Плач стихает. МАРКС возвращается)

ЛИБКНЕХТ: Почему же униженным

Вовсе не униженным

Может немного удивленным

Отчего же пожалуйста

Мне нечего скрывать

Голова так голова

ЭНГЕЛЬС: Вот именно

Голова так голова

Сидите прямо

И немного помолчите

Если можете

(МАРКС начинает измерять)

МАРКС: Глаза широко расставлены

Подбородок круглый

Нос

Скажем – орлиный

Уши острые

Но не очень

Череп несколько раздвоен

ЛИБКНЕХТ: Это плохо?

МАРКС: Нет

это хорошо

Расстояние сзади от уха до уха

Большое

Но задняя часть шеи вогнутая

Вогнутая

Можно сказать

Даже чрезмерно вогнутая

ЛИБКНЕХТ: Это хорошо?

МАРКС: Не очень.

Доктор Фандер завтра вас тщательно обследует

Потому что я могу ошибаться

Вы пиво пьете?

ЛИБКНЕХТ: Иногда

МАРКС: Тогда если Энгельс

Согласится

Пойдем выпьем пива

ЛИБКНЕХТ: Это все?

Измерения закончены?

МАРКС: Господин Вильгельм

Энгельс мне рассказывал о вас

много хорошего

вы сидели в тюрьме

вы революционер до мозга костей

а раз сидели то и головой и мозгом

и другими частями тела наверняка рисковали

я таких людей не экзаменую

я просто рассуждаю
применяя научные методы
могут ли они мне помочь
и чем я могу быть им полезным.
ЛИБКНЕХТ: Но я ведь всем сердцем
Я пожалуй мог бы наизусть
Манифест коммунистической партии
который вы написали
Где все про буржуазию
Как она нас всех в наемных работников
Превратила
Все народы
Даже варварские
Угрожая уничтожением
Принуждает все народы
внедрять у себя
буржуазные методы производства
внедрять у себя так называемую цивилизацию
то есть становиться буржуа.
А потом кризис – бац!
Кризис и эпидемия перепроизводства
Кризис и крах
кризис потому что слишком много цивилизации
Слишком много средств содержания
Кризис потому что
Слишком много промышленности

Слишком много торговли

И кризис

И естественно чудовище ужасное чудовище

бродит по Европе

Призрак коммунизма.

ЭНГЕЛЬС: Капиталисты думают

Что если у них есть капитал

То их господство будет вечным

Но мы говорим им

«Палач стоит у дверей!»

Мировая революция

Стоит у дверей

Измените ваш общественный строй

потому что таковы железные законы

диалектического материализма

Но я знаю вашу статью двухлетней давности

Там было полно филистерства и сентиментализма

И ни слова о классовой борьбе, только какой-то подхали-

маж перед демократами

МАРКС: Я тоже читал

Энгельс прав

Идем?

Сейчас дети

жена и дети вернутся

сложно будет разговаривать

(шум за дверью)

Я же говорил

(Входит ЖЕННИ, которая держит за руку шестилетнюю ЖЕННИХЕН (Кви-Кви), за ней ЛЕНХЕН – она несет ЭДГАРА и ведет за руку четырехлетнюю ЛАУРУ)

ЖЕННИ: Здравствуйте

ЭНГЕЛЬС и ЛИБКНЕХТ: Здравствуйте

МАРКС: Моя жена

Господин Вильгельм Либкнехт

ЖЕННИ: *Nice to meet You*

МАРКС: Либкнехт – немец

Я говорил

ЛИБКНЕХТ: Приятно познакомиться

(Протягивает руку девочкам. ЛЕНХЕН убегает с младенцем в другую комнату)

ЖЕННИ: Да конечно я помню знаменитый немецкий революционер

господин Либкнехт

Мне тоже очень приятно

По-английски это я машинально потому что мы в Лондоне

Это Женнихен

Это Лаура

Эдгар спит

(Девочки делают книксен)

Ленхен, пожалуйста забери детей

(Марксу)

Фоксик не плакал?

МАРКС: Плакал но немного

Я покачал

(ЛЕНХЕН уводит девочек и закрывает дверь в другую комнату)

ЖЕННИ: Здесь у нас тесновато

Мы недавно в Лондоне

А уже два раза переезжали

То одно то другое

МАРКС: К счастью у них тут парки

Парк Сохо недалеко

Можно гулять с детьми

ЖЕННИ: И много музыки

Давеча в парке на эстраде

слушали весь фортепьянный

концерт *es dur* Моцарта

МАРКС: Я нет

Я работал

ЖЕННИ: Британская библиотека недалеко

А мужу нужно работать

ЭНГЕЛЬС: Карл Маркс

Пишет произведение

такое толстое произведение

Чтобы немцы

Обо всем подробно узнали
Потому что немцы уважают толстые книги
Если книга тонкая говорят
Мол это политическая брошюра
Ну так я им напишу толстую
ЛИБКНЕХТ: Верно
Немцы только толстые книги
Любят

(ЛИБКНЕХТ смеется, плач ребенка, ЛЕНХЕН
открывает дверь)

ЛЕНХЕН: Простите
Но у Фоксика опять судороги
ЖЕННИ: Судороги
Простите
МАРКС: Мы все равно уходим
Будем внизу в баре
ЖЕННИ: Я очень извиняюсь

но
ЭНГЕЛЬС: Мы уже ушли
Простите
За вторжение
МАРКС (*Женни*): Дай ему это лекарство
Пустырник
Еще есть
Я не давал

(МАРКС, ЭНГЕЛЬС, ЛИБКНЕХТ уходят, сцена остается пустой, слышится детский плач, потом выбегает ЖЕННИХЕН, за ней ЛЕНХЕН)

ЛЕНХЕН: Отдай

Где это у тебя?

(ЖЕННИХЕН показывает, что у нее во рту)

ЛЕНХЕН: Кви-Кви

Это для Фоксика

Отдай

Хочешь чтобы он умер?

Фоксик болен

А ты нет

Тебе не поможет

А Фоксик болен

(ЖЕННИХЕН протестующе крутит головой)

ЛЕНХЕН: Отдай

(ЛЕНХЕН замахивается, будто бы собираясь ударить девочку, та выплевывает тряпочку, пропитанную лекарством с сахаром, и хочет вернуться во вторую комнату. Возвращается ЭНГЕЛЬС)

ЭНГЕЛЬС: Где-то тут мой цилиндр

О вот он

ЛЕНХЕН: Цилиндр

(ЛЕНХЕН делает книксен и выходит. Входит

ЖЕННИ)

ЖЕННИ (*кричит вслед ЛЕНХЕН*)

Только качай его

Качай

может еще заснет.

ЭНГЕЛЬС: Это хорошо

Что мы можем минуту

(Достаёт бумажник и даёт ЖЕННИ два фунта.

ЖЕННИ прячет деньги в сумочку)

Спрячьте пожалуйста

Карл ничего не говорит

А я вижу вы картошку варите

Пустую

ЖЕННИ: Не пейте много

Ему пиво вредно

У вас голова крепкая

А он потом спит до полудня

и не может писать

ЭНГЕЛЬС: Отец хочет чтобы я занял должность

В его компании

В Манчестере

Там два брата Эрмена

и ни одного Энгельса

в фирме Эрмен и Энгельс

А так будет один Энгельс

Их двое я один
Им это не понравится
ЖЕННИ: Двое ссорятся
Братья ссорятся
А вы сделайте так
Чтобы братья ссорились
еще больше
А вы их будете мирить
И все контролировать
ЭНГЕЛЬС: Не знаю что делать
Ведь это все-таки предательство
Сразу скажут дескать «он предатель»
Стал капиталистом фабрикантом
Но с другой стороны
ЖЕННИ: Мне кажется у нас слишком много дел
Чтобы мучиться сомнениями
Революция на пороге
Эта должность в очень
Хорошем месте
Можно буржуазию
in statu nascendi так сказать
наблюдать и тем помочь революции
ЭНГЕЛЬС: Я тоже так это понимаю
Но скажут
защищает пролетариат
а сам эксплуатирует

пьет кровь рабочих

ЖЕННИ: Но в интересах

В интересах международного рабочего движения

Этого никто за вас не сделает не напишет

Некому

ЭНГЕЛЬС: Нет ну да понятно только Карл

Карл должен написать произведение

И деньги нужны

Ничего не осталось?

ЖЕННИ: Вы же знаете

От газеты ничего

А наследство давно разошлось

Еще в Брюсселе на кинжалы и револьверы

Для бойцов

вот только теперь ни бойцов ни наследства

Думала от газеты чего-нибудь

Но газета лопнула и все

Думаю поеду к дяде Филипсу

В Голландию

Это богатый дядя Карла

Фирма Филипс

он меня любил

Пусть бы одолжил сколько-нибудь

Он пел на моей свадьбе

И обещал – всегда мол помогу

так пусть дед поможет

у меня ведь вот-вот пятый ребенок будет

Это ведь семья

Поеду может даст чего-нибудь

Для такого фабриканта

Дать немного для семьи пустяки

ЭНГЕЛЬС: А эта поездка

Уже все решено?

ЖЕННИ: Карл согласен

ЭНГЕЛЬС: А как он здесь один?

ЖЕННИ: Ленхен займется детьми

А я когда вернусь нагоню

Перепишу

я быстрее переписываю чем он пишет

Так что работа не остановится

остановится если я не поеду и не добуду каких-нибудь

средств

Потому что один сюртук в ломбарде

Еще вполне приличный потому что Карл поправился

Но в ломбарде

(Входит ЛЕНХЕН)

ЛЕНХЕН: Фоксик уснул девочки тоже

Так что может я схожу за хлебом

Если у вас есть деньги

ЭНГЕЛЬС: Сообразительная девушка

ЖЕННИ: Моя мама мне ее прислала

Из хорошей солидной немецкой

Деревни

иногда я прямо не знаю как бы без нее

Ленхен как родственница

Больше

потому что с родственниками известно как

(ЛЕНХЕН делает книксен)

ЭНГЕЛЬС: Ну что ж

Возьму эту гадкую работенку

Чего уж там

Раз отец хочет чтобы сын работал

Сын пойдет работать

Предательство не предательство

Карл должен написать свое произведение

А что там я

Мне на их мнение

(ЖЕННИ дает деньги ЛЕНХЕН)

ЖЕННИ: Может лучше булки

Девочки больше любят булки

И что-нибудь сладкое

ЛЕНХЕН: Хорошо

ЭНГЕЛЬС: Пойдем вместе

Я вам покажу магазин

тут недалеко на Оксфорд-стрит

с конфитюрами

ЛЕНХЕН: Я там была

Там дорого

ЖЕННИ: Купи что-нибудь хорошее

Я уже не могу эту картошку

Пятый день

господин Фридрих тебе покажет

И быстро возвращайся а то я одна тут с ума сойду

Девочки голодные вот и дерутся

(Из комнаты рядом раздается шум и плач ребенка)

Так и знала что проснутся

ЭНГЕЛЬС: Идем?

ЛЕНХЕН: С удовольствием.

(ЭНГЕЛЬС шутливо подставляет ЛЕНХЕН локоть.

Уходят. ЖЕННИ садится на шаткий стул. На сцену из комнаты выбегают ЛАУРА и ЖЕННИХЕН, вырывая друг у друга какую-то игрушку)

ЖЕННИХЕН: Отдай отдай

Мама она не отдает

А это мое мое это мое

ЛАУРА: Нет мое мое

ЖЕННИ: Кви-Кви старше

Чего ты так верещишь?

ЖЕННИХЕН: Потому что это мое

ЛАУРА: А вот и нет мое

(из соседней комнаты доносится плач двух младенцев: полугодовалого «Фоксика» и годовалого

Эдгара)

ЖЕННИ: Тихо

А то убегу в Австралию

Тихо

А то выпрыгну в окно

Это не твое и не ее

Это наше!

Нужно уметь делиться с другими!

Понятно??

Нужно делиться!

Сцена 3

Та же квартира. Ночь. Несколько дней спустя. ЛЕНХЕН зажигает свечу в стеклянном сосуде и ополаскивается водой из таза. Она в корсете, который ей дала ЖЕННИ. К ЛЕНХЕН подходит КАРЛ МАРКС. Обнимает ее.

ЛЕНХЕН: Но

МАРКС: Успокойся

они спят как убитые

мы целый день с ними

бегали по парку

я сам сонный

Дай развяжу

ЛЕНХЕН: Госпожа

Но госпожа

МАРКС: Госпожа уехала

А я сейчас с ума сойду

Ты не понимаешь?

Это природа

Это сильнее нас

С этим шутки плохи

ЛЕНХЕН: Пожалуйста я нет

(МАРКС закрывает ей рот поцелуем. Увлекает в угол. В комнату входит заспанная четырехлетняя Лаура, она не видит ни отца, ни ЛЕНХЕН, садится на горшок и писает. Выходя из комнаты, задевает таз с остатками воды, таз падает. ЛАУРА окончательно просыпается, она расстроена. Плач ФОКСИКА. Из темноты появляется ЛЕНХЕН)

ЛЕНХЕН: Иди спать

Ничего страшного

я вытру

(ЛАУРА послушно уходит в другую комнату. ЛЕНХЕН становится на четвереньки и принимается вытирать пол. МАРКС наклоняется над ней и начинает развязывать корсет)

Затемнение.

Сцена 4

Та же квартира на Дин-стрит спустя какое-то время. МАРКС лежит на диване навзничь, храпит во сне. Стук. Входит ЭНГЕЛЬС, хотя МАРКС от стука не проснулся. ЭНГЕЛЬС садится и какое-то время ждет, что МАРКС проснется. Наконец громко кашляет.

МАРКС: Это ты

Спасибо, что так быстро приехал.

ЭНГЕЛЬС: Что за *mystery*?

МАРКС: Подожди сейчас все

Женни возвращается из Голландии

ЭНГЕЛЬС: Дядя что-нибудь дал?

МАРКС: Скотина

Она мне такое письмо написала

Что я чуть не расплакался

Сначала он ее не узнал

Паршивый еврей

А потом ни гроша потому что это пошло бы на революцию

И Женни возвращается

ЭНГЕЛЬС: Что делать

хорошо что возвращается

а что за *mystery*?

МАРКС: Подожди сейчас все

Умоюсь

(Наливает воду из кувшина в таз, умывается,
вытирается)

У меня опять нарыв

Ужасный

ЭНГЕЛЬС: Где?

МАРКС: Здесь

(Показывает какое-то малодоступное место)

Самому трудно вскрыть

Я пытался при помощи зеркала

но не получается

Я дам тебе битву вскроешь

(Ищет бритву. Находит)

ЭНГЕЛЬС: Мышьяком нужно

Выдавить и помазать

немного мышьяка

Один мой знакомый из Манчестера

В две недели

Вывел все нарывы

А у него было их порядочно

Говорю тебе только мышьяк

МАРКС: У меня нет денег на мышьяк

Нужен рецепт

ЭНГЕЛЬС: Это мы решим

Так что за тайна?

МАРКС: Подожди сейчас

Вскроешь

А потом вот этим

(дает дезинфицирующее средство)

ЭНГЕЛЬС: Я бросаю все в Манчестере

Мчусь первым дилижансом

Ты ведь написал *mystery*

Тайна

А теперь

МАРКС: Вскрой

А потом этой жидкостью

ЭНГЕЛЬС: Что это?

МАРКС: Альдегид

ЭНГЕЛЬС: Так что это за тайна?

МАРКС: Виллих вызвал меня на дуэль.

ЭНГЕЛЬС: Это я знаю

Но ты ведь отказал этому дураку

МАРКС: Шрамм

Конрад Шрамм

Принял вызов

за меня

ЭНГЕЛЬС: Это я знаю

Они должны поехать

в Антверпен

потому что тут за дуэли

сажают

Так что это за тайна?

Ты ведь писал

Внимание

(ЭНГЕЛЬС вскрывает нарыв бритвой. Затем дезинфицирует. МАРКС воет от боли)

МАРКС: У-у-у-у!

Ленхен беременна.

ЭНГЕЛЬС: Надо же!

От кого?

МАРКС: Догадайся

ЭНГЕЛЬС: Серьезно?

МАРКС: Пять дней назад мне сказала

ЭНГЕЛЬС: Какой месяц?

МАРКС: Вроде второй

И что теперь делать?

ЭНГЕЛЬС: Неужели ты не мог

С какой-нибудь... гризеткой?

МАРКС: Перестань все это

Достаточно

глупо

ЭНГЕЛЬС: Нужно поскорее к какому-нибудь врачу

Может как-то

МАРКС: Сходишь?

ЭНГЕЛЬС: Я с ней?

МАРКС: Мне ее не уговорить

Я попытался она только фыркнула

Что не позволит себя

Никуда отвести

Прошу тебя

ЭНГЕЛЬС: Действительно проблема

надо с этим что-то

МАРКС: Сдурела

Что она себе думает

что

что я Женни

не знаю не знаю

нужно это было

ЭНГЕЛЬС: Пусть может вернется

В Трир

или куда там

Можно посылать ей туда какую-то сумму

МАРКС: Так она не хочет

Не хочет разговаривать

Cette vache ne veut pas parler

А возвращаться не хочет и не вернется

Это точно

ЭНГЕЛЬС: А что мне с ней

МАРКС: Ты как-то по-другому

Умеешь

Я ее сейчас просто боюсь

Но Женни

Сам понимаешь

ЭНГЕЛЬС: Ничего не понимаю

Раз уж тебе приспичило

Не мог ты что ли

За деньги?

МАРКС: Во-первых

У меня нет

Во-вторых

Как где

В-третьих

Так получилось

Не знаешь как это бывает?

ЭНГЕЛЬС: Зачем сразу кричать

но ведь это катастрофа

Столько усилий столько труда

Из-за одной дуры

Для этой девушки беда

для жены

А обо мне

О нашей работе

Ты подумал?

МАРКС: А ты во Франции

В сорок восьмом

Когда пил шампанское с гризетками

вместо того чтобы идти на баррикады

ты думал?

ЭНГЕЛЬС: Все ты помнишь

Хорошо но у меня нет детей

Я фигура второго плана

В твоей тени

А тут они набросятся

Вот увидишь набросятся

мы пропали пропали

Если она ничего не сделает

Увидишь это будет конец

МАРКС: Ты бросишь меня?

ЭНГЕЛЬС: Нужно ей как-то объяснить

что есть выход

может моя Мэри могла бы ей помочь

она в этих делах

a plus d'experience

МАРКС: Я спрашиваю ты меня бросишь?

ЭНГЕЛЬС: Что важнее

Я спрашиваю что важнее

МАРКС: Это я спрашиваю

Дружба или какие-то убеждения идеи

Я думал мы понимаем друг друга

Что уж мы-то всегда друг друга пойдем

ЭНГЕЛЬС: Так может ты неправильно думал?

Может я меньше понимаю

Во всем в экономике

В Гегеле теории я не доктор наук

Но есть границы

Черт возьми есть границы

(Входит ЛЕНХЕН с четырьмя детьми. ФОКСИКА
ЛЕНХЕН несет в корзинке. ЛАУРА, ЖЕННИХЕН и
ЭДГАР идут следом)

ЭНГЕЛЬС: Здравствуйте

ЛЕНХЕН: Здравствуйте

(МАРКСУ)

Вы наверное голодны

МАРКС: Не так чтобы

Но может я схожу Лауру и Кви-Кви

в кондитерскую

А ты немного отдохнешь

ЖЕННИХЕН и ЛАУРА: Да

Ленхен пожалуйста

ЛЕНХЕН: До обеда никаких пирожных

После обеда

Пожалуйста

но до обеда

никаких пирожных не будет

МАРКС: Хорошо тогда может потом

Ленхен знает что говорит

ЖЕННИХЕН и ЛАУРА: Папа

МАРКС: Если Ленхен разрешит

то может после обеда сходим

ЭНГЕЛЬС: Карл

Можно

Вернее Ленхен

Я хотел бы кое о чем поговорить
а может ты Карл пойди с девочками

со всеми детьми

пойди ты с ними

МАРКС: Да конечно

Девочки

Хотите услышать

как знаменитый волшебник

Ганс Рокле

продавал разные вещи дьяволу?

ЖЕННИХЕН и ЛАУРА: Да.

(МАРКС с детьми уходят в другую комнату. МАРКС
закрывает дверь, ЭНГЕЛЬС и ЛЕНХЕН остаются одни)

ЭНГЕЛЬС: С этим нужно что-то делать

ЛЕНХЕН: С чем?

ЭНГЕЛЬС: Госпожа Женни через три месяца должна ро-
дить

ЛЕНХЕН: Я знаю

ЭНГЕЛЬС: Ты не можешь так поступить с ней

ЛЕНХЕН: Как?

ЭНГЕЛЬС: Не делай вид что не понимаешь

Карл мне все рассказал

ЛЕНХЕН: Рассказал

ЭНГЕЛЬС: Как ты себе это представляешь?

Хочешь нас всех скомпрометировать?

ЛЕНХЕН: А как это вас компрометирует?

ЭНГЕЛЬС: Не делай вид что не понимаешь

Ты слишком давно знаешь и господина Карла и меня
и госпожу Женни

Чтобы не знать во имя чего идет вся эта борьба

ЛЕНХЕН: Я тоже имею право

ЭНГЕЛЬС: На что?

ЛЕНХЕН: Борьба идет за то

Что все равны

Значит я тоже равна

Я тоже имею право

ЭНГЕЛЬС: Послушай

моя Мэри

Ты знаешь что Мэри она

Моя можно сказать жена?

Моя Мэри умная

И у нее есть знакомый доктор

Потом денек полежишь в постели

Отдохнешь и все опять будет в норме

ЛЕНХЕН: В Манчестере?

ЭНГЕЛЬС: Если не хочешь ехать в Манчестер

Я найду тебе врача здесь

Специалиста

Помогу заплачу

Ведь тут будет ад

Ты ведь сама понимаешь

Ты только подумай
Что госпожа Женни а что люди
Это ведь будет конец
всей работы господина Карла
госпожи Женни моей
Нас станут обсуждать

ЛЕНХЕН: Я уже подумала
Я посидела с детьми в церкви
И подумала

ЭНГЕЛЬС: Никакого Бога нет
Ты же знаешь
Мы тебе сто раз
Говорили

ЛЕНХЕН: Ну не знаю
А в церкви тихо
И можно подумать
Я не буду никого убивать
Что случилось то случилось
Убивать я не буду

ЭНГЕЛЬС: Я тебе как-нибудь помогу
Ты не должна
Я как-нибудь помогу
Помогу

ЛЕНХЕН: Я не больна
Никакая помощь мне не нужна
Я могу устроиться прислугой к кому-нибудь другому

Я знаю манеры
госпожа Женни
Все мне показала
Я даже у князей бы могла
А ребенок есть ребенок
Кто там спросит чей
Я пролетарий
Для пролетария
быть одинокой женщиной с ребенком
ничего зазорного

ЭНГЕЛЬС: И ты их оставишь ни с чем?
пойдешь к каким-нибудь графьям или князьям
А ведь у тебя думаю есть причины быть им благодарной
Я спрашиваю есть или нет?

ЛЕНХЕН: Дети зовут меня Нимфа
Потому что господин Карл когда-то так пошутил
Что будто бы я нимфа
Была какая-то такая
Что людей в свиней превращала

Зачем он так шутит
Дети потом меня дразнят
Нимфа Нимфа

ЭНГЕЛЬС: Я скажу ему

ЛЕНХЕН: Я не дура
Я не хотела
Господин Карл

Как упретсяя

Так его не переубедишь

(Стук. Входит ЛИБКНЕХТ. МАРКС открывает дверь и возвращается в комнату. ЛЕНХЕН уходит туда, где был МАРКС)

ЛИБКНЕХТ: Здравствуйте

И господин Фридрих тоже тут

Вы уже знаете господа?

МАРКС: Что?

ЛИБКНЕХТ: Кого Виллих назначил себе адъютантом

Он выбрал адъютантом

Кто будет его адъютантом?

ЭНГЕЛЬС: Кто?

ЛИБКНЕХТ: Бартелеми

Эммануэль Бартемели

ЭНГЕЛЬС: Тот француз что бежал из тюрьмы?

Этот убийца?

Этот галерник?

ЛИБКНЕХТ: Якобы он все время говорит

Что вся дерьмовая партия Маркса

что Маркс и его компания

давно заслуживают

смерти

потому что они предатели

МАРКС: Зачем этот Шрамм

Обзывал этого дурака

Он не умеет стрелять
А тут убийца и негодяй
А этот ведь стрелять не умеет
Этот Виллих редкая скотина
Даже в моем собственном доме
Какие-то замечания какие-то поучения
«Ваша супруга баронесса
мужественно все это переносит»
Ему не нравится
что у меня жена
Из баронов
потому что сам он солдафон
Прусский недоучка солдафон
Глупец, дурень, интриган, засранец
Простак, хам, скотина, осел
Надеюсь Шрамм его застрелит
ЭНГЕЛЬС: Перестань
Виллих солдат
он попадает в червонного туза в сердце
А этот сопляк пистолета в руках не держал
МАРКС: Ну да ну да

(входит ЖЕННИ с грузчиком)

ЖЕННИ: Поставьте пожалуйста все здесь
Карл у тебя есть сколько-нибудь
ЭНГЕЛЬС: Я сейчас

(ЭНГЕЛЬС дает деньги грузчику, тот выходит. В комнату вбегают ЖЕННИХЕН и ЛАУРА)

ЖЕННИХЕН и ЛАУРА: Мама Мама

ЛЕНХЕН: Мама вернулась

ЖЕННИ: Как я без вас скучала

Как скучала

Любимые мои

А эта поездка

Кошмар

всю дорогу

тошнило

(МАРКСУ)

Мавр драгоценный мой

(ЖЕННИ обнимает МАРКСА, обнимает детей, здоровается со всеми присутствующими)

Простите

Но я должна повидать моих сыночков

Все потом все остальное потом.

(Затемнение)

Сцена 5

Та же квартира ноябрь. МАРКС и ЛИБКНЕХТ.

МАРКС: Этот человек меня подвел

Вчера

В день похорон моего ребенка

Приходит ко мне

И говорит что у него званый обед

И что он должен потому что брат потому что жена
какие-то фразы

Лицемерие и подлость

ЛИБКНЕХТ: Конрад Шрамм?

Даже не верится

Ведь он рисковал

За вас головой

Чудом выжил

вся голова в бинтах

Пришел весь в крови

А мы так боялись что Виллих его убил

Что этот бандит Бартелеми

Этот галерник

Пришел и говорит:

«*Schramm a un balle dans la tete*»

Мы думали что Виллих его убил

Что пуля в голове

МАРКС: И вот благодарность

Ребенок умер

жена в отчаянье

гроб с крошкой Фоксиком стоит здесь и ждет

а этот говорит что не придет
на похороны моего ребенка
потому что у него званый обед
он видимо считает я недостоин этой чести
чтобы на похороны моего ребенка
ну ничего ну ничего
каналья а не друг
не то что Энгельс
он сразу прислал деньги
он видит что я для себя ничего
что я с этим старым миром
в состоянии войны и
тут действуют законы войны
а эти все против тебя
все готовы признать
твоей ошибкой
эгоисты нытики клеветники
делают вид что верят в революцию
а сами предают потому что ничего не поняли
ничего

ЛИБКНЕХТ: Но Энгельс тоже не приехал

МАРКС: Потому что не мог

Но у него были причины

А этот только какие-то сплетни слушает

Он меня просто вычеркнул

Отрекся

Еще и ты отречешься
Достаточно любой сплетни
Чтобы предать чтобы разувериться
И столкнуть человека на дно
Обвинить оплевать и конец
ЛИБКНЕХТ: Буржуазная мораль
Пустыни человеческих душ
Но я уже знаю сколько нужно в себе преодолеть
МАРКС: Наука наука только наука
Может когда-нибудь он изменит точку зрения
На эти вопросы
быт который нас окружает определяет нас
неужели это не понятно?
Дураки

(Входит ЖЕННИ, неся корзинку с покупками. Она
на позднем сроке беременности. В трауре)

ЖЕННИ: О здравствуйте господин Вильгельм
(МАРКСУ)

Дети с Ленхен
еще остались в парке
А я уже тут
И могу переписывать
Одну минуточку
МАРКС: Хорошо
Сейчас я дам тебе один текст

О теории прибыли и отчуждении
Только Вильгельму
Скажу одну вещь одну вещь
ЖЕННИ: Тогда я может еще пойду
Похожу.

МАРКС: Не хочешь прилечь?

ЖЕННИ: Я в ту комнату

Не войду

там умер Фоксик

И я туда одна не

(ЖЕННИ принимается плакать. МАРКС обнимает
ее)

ЛИБКНЕХТ: Я может завтра загляну

А то сегодня и так

Погода ужасная

Все пропиталось водой

И этот туман

Мне еще нужно насчет угля договориться

Простите

(ЛИБКНЕХТ выходит. ЖЕННИ прижимается к
КАРЛУ. Плачет)

МАРКС: Хорош нечего сказать

Шесть раз выразил соболезнования

Но не одолжил ни пенса

ЖЕННИ: У него нет

не сердись

это ничего уже все в порядке

(плачет)

Ты заметил, что Ленхен

Как будто немного потолстела?

МАРКС: Потолстела

Может и потолстела

ЖЕННИ: Она случайно не беременна?

МАРКС: Нет с чего бы

Невозможно

ЖЕННИ: Она молодая не уродина

У нас много

мужчин крутится

может кто-то

МАРКС: Ты так думаешь?

ЖЕННИ: Карл

Тебе меня не обмануть

Я вижу

Вижу по тебе

Что ты что-то знаешь

меня тут не было

а она молодая девушка

скажи что тут произошло

что?

МАРКС: Нет ну

Что я могу

Не более чем догадки

Нужно спросить Ленхен

Если все действительно так как ты говоришь

ЖЕННИ: Я ее ни о чем спрашивать не буду

Ленхен это сокровище

И я ее не буду

Что я филистерка какая-нибудь?

Если сама скажет то скажет

МАРКС: Но это все-таки как-то нужно будет

если все так как ты говоришь

То нужно как-то

ЖЕННИ: Если я на нее нажму скажет

Она знает

Так что скажет

Пока я не нажимаю

Потому что зачем

Лучше бы нам знать

Я думала она умнее

Мало забот так еще проблемы с прислугой

Слишком много этого всего

А ты какой-то красный

У тебя как будто температура

МАРКС: Я разволновался

Я страшно разволновался

Знаешь что мы с Либкнехтом видели?

Паровоз

Большую модель паровоза

ездит пыхает паром

Поршни туда-сюда

Раз – туда раз – обратно

Несется по рельсам

ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту

ЖЕННИ: Где это вы его видели?

МАРКС: На витрине магазина на Оксфорд-стрит

Это изменит мир

Отношения собственности трудовые отношения

Вижу эти поршни как они работают

У меня они все время перед глазами

Это будет революция

Паровозы вызовут революцию

А революции это такие паровозы

паровозы истории

ЖЕННИ: Кто ей сделал ребенка? Кто это мог бы быть?

Либкнехт?

МАРКС: Нет

Он кажется в тебя влюблен

Все время говорит как он тобой восхищается

Какая ты замечательная как ты все понимаешь

ЖЕННИ: Это ты выдумываешь чтобы меня рассмешить

Или успокоить?

МАРКС: Нет с чего ты взяла

Я это вижу и ревную

(входит ЛЕНХЕН с девочками и годовалым
ЭДГАРОМ на руках)

ЛЕНХЕН: Простите

На лестнице пекарь и мясник
за деньгами

ЖЕННИ: Я ведь им дала расписки

Вчера подписывала векселя

ЛЕНХЕН: Я думаю когда Фоксик умер

Они теперь боятся

что мы отсюда убежим

кричали на меня

heavy times говорят

heavy times

МАРКС: Что поделать

Возьму это серебро

Отнесу в ломбард

Знаю что это на приданое девочкам

Но нужно же как-то

Потому что дети

Мы можем но ведь дети

ЖЕННИ: А что мне переписать?

МАРКС: Вот здесь

Отсюда до сюда

Товарный фетишизм

и добавленная стоимость

все это довольно запутанно

но если сосредоточишься
то перепишешь и поймешь
Может это тебе поможет лучше
чем если будешь думать
ЖЕННИ: Ты всегда умел
Успокоить меня одной фразой
Главное

что мы друг у друга есть
иди в ломбард
Заложь это серебро
может что-то сдвинется
ведь будет когда-нибудь
и на нашей улице праздник
ох Мавр Мавр

МАРКС: Я пошел

ЛЕНХЕН: Возьмите пожалуйста зонт сильный дождь

МАРКС: Спасибо действительно дождь

(выходит)

ЖЕННИ: Девочки снимаем плащики

Все мокрое насквозь

Нужно их высушить

В той комнате

Но я туда не зайду

Ленхен ты меня понимаешь

Я в комнату где лежал мертвый Фоксик

Не зайду я сразу вижу

Фоксика

и сразу опять воспоминания наваливаются
как я его кормила не столько молоком сколько кровью
и как его мучали эти судороги

(Плачет. ЛЕНХЕН раздевает девочек. ЭДГАРА она
уже отнесла в соседнюю комнату)

ЛЕНХЕН: Вам теперь нужно
Думать о будущем
О том что будет
И может действительно съехать отсюда
Я видела недалеко
На этой же улице
Сдается
У еврея
Может будет дешевле
Немного высокогато четвертый этаж

(ЛЕНХЕН идет с девочками и их плащиками в
соседнюю комнату, возвращается одна)

Но если бы генерал Энгельс
Нашел бы какие-нибудь средства
То мы могли бы переехать
И вы бы уже не думали
С глаз долой из сердца вон как говорится
А генерал обещал
ЖЕННИ: Что обещал?

ЛЕНХЕН: Он мне говорил что может нам помочь

Если у меня будут проблемы

ЖЕННИ: Так и сказал?

(ЛЕНХЕН утвердительно кивает головой)

А у тебя проблемы?

ЛЕНХЕН: Ребенок это не проблема

А Божий дар

ЖЕННИ: Ты же знаешь

Что Бога скорее всего нет

То есть ты хочешь сказать

То есть ты хочешь сказать что будет ребенок?

ЛЕНХЕН: Будет

ЖЕННИ: А кто отец?

ЛЕНХЕН: Случай

ЖЕННИ: То есть кто?

ЛЕНХЕН: Вы его не знаете

ЖЕННИ: Я же знаю всех твоих знакомых

ЛЕНХЕН: А этого одного как раз и не знаете

ЖЕННИ: О Боже

А когда он появится на свет?

ЛЕНХЕН: Наверное в мае

Или в июне

ЖЕННИ: Ну что же

Я не могу тебя осуждать

Ты нормальная здоровая девушка

Было бы странно если бы *(пауза)*

Энгельс обещал?

ЛЕНХЕН: Обещал

ЖЕННИ: У него там в этом Манчестере

Есть некая Мэри

Я как-то ее видела в Брюсселе

Когда она к нему приезжала

Не очень понятно как с ней разговаривать

Жена не жена

кажется она не особо умна

но ему похоже она нравится

если обещал то поможет

у Энгельса есть свои недостатки

Но если уж он обещает то выполняет обещания

как правило

Так что не бойся

Хотя я этого так просто

Не бойся

ЛЕНХЕН: Я не боюсь

ЖЕННИ: Как же это получается

Сначала я рожу

А через два месяца ты?

ЛЕНХЕН: Скорее три

Я справлюсь

Вы же знаете я люблю детей

ЖЕННИ: Я знаю

Но ты же не справишься со всеми

Твои мои

И кроме того ты все-таки имеешь право требовать чего-то от отца этого ребенка

Дети ведь на самом деле не рождаются от Святого Духа

ЛЕНХЕН: Ребенок есть ребенок

ЖЕННИ: Да но как ты себе это представляешь?

(Стук в дверь, не дождавшись ответа, вваливается
ЛИБКНЕХТ)

ЛИБКНЕХТ: Простите

Что без приглашения

Но тут большая проблема

Господин Карл в полицейском участке

Нужны какие-нибудь документы

ЖЕННИ: Кровь

Вы поранились

(ЛИБКНЕХТ вытирает окровавленное лицо)

ЛИБКНЕХТ: Я спрыгнул с пролетки

И как-то неудачно

Хорошо еще что этот полицейский меня нашел

Знакомый полицейский пришел и говорит

Что Карл Маркс в участке за то что пытался

Продать графское серебро

И его прямо из ломбарда забрали в участок

И не выпускают только если какое-нибудь доказательство

Что эти ложки графов Аргайл не краденые

Иначе он будет сидеть пока не признается
У кого украл так что может какой-то документ
Что вы баронесса и это семейное серебро
А не краденое а то я думал пойду сам подтвердить
Но поверят ли мне я ведь бедный эмигрант
Подозрительный за мной следят так что может лучше вы
Лучше с какими-то документами
или свидетеля
Какого-нибудь богатого уважаемого
ЖЕННИ: А эта пролетка с которой вы соскочили еще
ждет?

ЛИБКНЕХТ: Ждет

Наверное ждет

(ЖЕННИ хватает свою сумочку, без колебаний
бежит зачем-то в комнату, в которой умер Фоксик)

ЖЕННИ: Поехали

(Затемнение)

Конец первого акта

АКТ 2

Сцена 6

1851 март. Новая квартира на Дин-стрит, 28. Это жилище еще хуже прежнего: потолки ниже, теснее. На бельевых корзинах сидят трое детей: двухлетний ЭДГАР, пятилетняя ЛАУРА, шестилетняя ЖЕННИХЕН, рядом с ними беременная ЛЕНХЕН с большим животом, ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ и КАРЛ МАРКС. Беременная ЖЕННИ с очень большим животом декламирует фрагмент монолога Порции из «Венецианского купца» Шекспира.

ЖЕННИ: Не действует по принуждению милость;
Как теплый дождь, она спадает с неба
На землю и вдвойне благословенна:
Тем, кто дает и кто берет ее.
И власть ее всего сильней у тех,
Кто властью облечен. Она приличней
Венчанному монарху, чем корона.

(—)

Жид, за тебя закон; но вспомни только,

Никто б из нас не спасся¹.

И что-то там еще не помню дальше

МАРКС: Bravo!

ВСЕ: Bravo!

МАРКС: Бис!

ВСЕ: Бис!

ЖЕННИ: Я устала

Давайте лучше споем

Вместе

МАРКС (*поет*):

Копейка и полтина

Они со мной давно, давно.

Копеечка – на воду,

Полтинник – на вино!

Копеечка – на воду,

Полтинник – на вино!

ВСЕ: Хайди, хайдо, ха ха

Хайди, хайдо, ха ха

ЛИБКНЕХТ:

Селяне и девчонки,

Кричали мне: «О, жуть! О, жуть!»,

Когда я приближаюсь,

Когда я подхожу.

Когда я приближаюсь,

Когда я подхожу.

¹ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

ВСЕ: Хайди, хайдо, ха ха

Хайди, хайдо, ха ха

и т. д.

(Стук. На пороге стоит ЭНГЕЛЬС с большой корзиной, в ней еда и цветы)

МАРКС: Вуаля Фридрих!

ЭНГЕЛЬС: Good morning

Дамы и господа

Вас слышно на всей улице

(вручает цветы ЖЕННИ)

МАРКС: Освятить новую квартиру

не могли

так решили хотя бы опеть

и одекламирровать Шекспиром

ЭНГЕЛЬС (*вынимает из корзины бутылку вина*):

Вот это на освящение

(и сигары)

А это для каждения

(вручает детям подарки)

Для Женнихен

Для Лауры

Для Эдгара

(ЛИБКНЕХТУ)

Для маленького Вильгельма

У меня к сожалению ничего нет
Разве что он вместе с нами
Отведает это Шато Марго
Урожая 1848 года
А это год великой революции
и великого Шато
ну и сигара

(МАРКСУ)

Мавр знаешь
Как делают эти сигары?
Кубинские девушки
Кладут эти листья на голое бедро
И втирают
Втирают
Втирают
ЖЕННИ: Карл

Не будешь ли ты так любезен попросить этого господина
покинуть квартиру?

(долгая пауза)

ЭНГЕЛЬС: Это шутка?

МАРКС: Женни я не понимаю
Ведь

(пауза еще длиннее)

ЖЕННИ: Тогда я уйду
Ленхен заberi детей

Прошу прощения господин Вильгельм
что нам приходится так неожиданно прервать
нашу приятную встречу
Дети идемте

(ЖЕННИ выходит в дверь, в которую вошел
ЭНГЕЛЬС, за ней ЛЕНХЕН и дети. Пауза)

ЛИБКНЕХТ: Что ж тогда я прощаюсь

Не хотел бы

МАРКС: Мне очень жаль

Нам тут с Фридрихом

Нам нужно кое-что решить

Мне очень жаль сами понимаете

Но это

Небольшое недоразумение

Нам нужно это обсудить

И действительно

(пауза)

ЛИБКНЕХТ: До свидания

МАРКС и ЭНГЕЛЬС: До свидания

ЛИБКНЕХТ: Простите

(выходит)

ЭНГЕЛЬС: Так что

Мне уйти?

МАРКС: Перестань садись

Я извиняюсь за Женни

Ты приехал так неожиданно
Я не успел тебя предупредить
Просто она думает
Что это ты сделал ребенка Ленхен
ЭНГЕЛЬС: Я так сразу
И подумал
МАРКС: Я все время
Наблюдаю за Ленхен
Либкнехт – нет
Шрамм – нет
Остаешься ты
Вот она и изводит меня вопросами
Когда? Как? Где?
А что я ей скажу
Я ее
Я ее не хочу потерять
Я даже не представляю себе развода
Этот скандал
Это бы нас всех добило
Она мне безгранично доверяет
Мне нельзя ее терять
Эти гиены только и ждут
Чтобы меня сожрать
А если они меня сожрут
Тогда конец борьбе
Конец всему

Но сам знаешь *qui pro quo*
Да исключительно паршиво
ЭНГЕЛЬС: Паршиво мало сказано
У Лассалья каждый месяц новая любовница
Но если Маркс разведется с женой
Лассаль раструбит об этом всем вокруг
МАРКС: Болтливый жидяра
Впрочем что там он
Здесь в Лондоне все эти немцы
эмигрантская клоака
Oh my God
Что мне делать
В Америку что ли бежать
Этот мерзавец Филипс
Советовал Женни чтобы я в Америку
Потому что там нужны такие как я
Будто Америке нужна моя философия
Только меня там и ждали
ЭНГЕЛЬС: Не только Америке
Всему пролетариату
Когда настанет кризис
а мы ведь знаем
Что это вскоре произойдет
В Германии или здесь
И тогда ты должен быть на месте
А не в Америке

МАРКС: Фридрих

Ты настоящий друг

Что мне делать?

ЭНГЕЛЬС: Ленхен молодец

она держит рот на замке

Это важно а то ведь она могла

Признаться твоей жене

Я когда вино и сигары вез думал

Что это будет твоей жене в утешение

Потому что думал что она уже знает

И даже удивился что не знает

МАРКС: Сам видишь она не знает

Думает что может это ты

но не знает

знаешь как мне тяжело

я думал что закончу

за пять недель

со всей этой экономической дрянью

потому что обязательно надо закончить

до кризиса

но как работать в этом адском сумасшедшем доме

я спрашиваю

как мне взяться за производство

когда обе на меня смотрят

будто я могу что-то еще

это мучительно

Теперь я знаю что чувствовал Прометей
когда орлы терзали его печень
а она у него выростала снова
Ждешь что боль закончится
А она каждый день растет
Напряжение напряжение
Сажу в библиотеке и читаю
Ничего не понимаю
А тут бой не на жизнь а на смерть
С лживыми либералами
Ведь они меня уничтожат
Если у них будет повод я пропал
ЭНГЕЛЬС: Ну хорошо допустим мы скажем
Что он мой
Что дальше?
МАРКС: Ты мог бы сказать?
Ты мог бы это сказать Женни?
ЭНГЕЛЬС: Ничего говорить не понадобилось
Она и так меня выставила вон
МАРКС: Слушай я все устрою
С Ленхен не вышло
Но это не твоя вина
Пусть только молчит
Если будет молчать
Я скажу Женни
Что тебе очень жаль

Что мы должны тебе помочь
Ты ведь столько лет нам помогаешь
Не можем же мы из-за такой мелочи
На тебя обидеться
Прекращать общение

Женни поймет
Если ты только скажешь что твой
Ленхен ничего не скажет
Я тогда Женни успокою
Уговорю

Что верному другу нужно помочь
А не выгонять
Из дома

ЭНГЕЛЬС: Я только Мэри
По секрету скажу

Чтобы она не думала

МАРКС: Своей женщине говори что хочешь

Женни скажи что это
твой

А я уж там как-то дальше

Должна же она понять
что и не такие вещи случаются
не такие

ЭНГЕЛЬС: Хорошо

Только не переживай

Я это как-нибудь устрою

Ты занимайся своим произведением
А твое произведение важнее всего этого
Буржуазного морального дерьма
И не стоит таких переживаний
Женни нужно успокоить
После смерти Фоксика ей конечно очень тяжело
МАРКС: Конечно
Нервная система расшатана
Для такой ранимой женщины
Эта бедность это нищенствование эти шпики под окнами
Смерть маленького Фоксика
Мне просто совесть не позволяет сказать ей
Она всегда была ревнивой куда там Отелло
Еще сделает с собой что-то
Или что-нибудь
Сам видишь как она зла на тебя
Если бы она потребовала развода то
Это худший вариант
А если самоубийство
она всегда говорила что ей незачем будет жить
если она меня потеряет
ЭНГЕЛЬС: Она бы этим добила нас окончательно
Представь себе аристократка баронесса
кончает с собой из-за измены мужа-революционера
Ведь эти глупые либкнехты ее обожают
Они бы окончательно от нас отвернулись

Они бы не простили

хором бы орали

Что коммунисты из партии Маркса стали обобществлять

жен

И вот пожалуйста

Я уж предпочитаю упасть на колени

И умолять чтобы она меня а не тебя ненавидела

что это я этот бонвиван и что простолюдинок десятками

из-за своей невоздержанности

использую

МАРКС: Только предупреди свою Мэри

Чтобы не трепала языком

ЭНГЕЛЬС: Не бойся

У нас с Мэри не такие секреты имеются

У меня ведь в Манчестере два дома

И она в тот другой не приходит

Понимает

тайна есть тайна

нельзя значит нельзя

Это ведь девушка из рабочей семьи

Читать писать она не очень умеет

Но ум у нее такой что некоторые социалистические умни-

ки

могли бы у нее поучиться

(Входит ЛЕНХЕН)

ЛЕНХЕН: Детям холодно

Госпожа сказала

Принести какую-нибудь одежду

МАРКС: Она очень расстроена?

ЛЕНХЕН: Очень

Наверное выгонит меня с работы

ЭНГЕЛЬС: Она так сказала?

ЛЕНХЕН: Она посмотрела на меня и сказала:

Все рухнуло все

И повторила все

А потом

Все незыблемое растворяется в воздухе

Все святое профанируется

МАРКС: Догадывается?

ЛЕНХЕН: Мне кажется

она знает

но предпочитает не знать

МАРКС: Нет наверное не знает

она говорит со мной

как будто не знает

ЛЕНХЕН: А со мной как будто знает

ЭНГЕЛЬС: Я говорил

Сделать что-нибудь

Пока не поздно

Но меня никто не слушал

МАРКС: Только Ленхен

Заклинаю

Никогда преникогда

сама по себе

никогда не признавайся госпоже

Это ее убьет

Ты же знаешь какая она ранимая

ЛЕНХЕН: У нас в деревне моя бабка говорила

Тому у кого молоток весь мир гвоздем кажется

МАРКС: Понимаю

ЭНГЕЛЬС: Не понимаю

МАРКС: Ну в смысле что я зря боюсь

Потому что она не скажет

ЭНГЕЛЬС: Потому что у тебя молоток?

МАРКС: Что-то вроде того

ЛЕНХЕН: Я пойду а то дети мерзнут

(Берет какую-то детскую одежду и уходит)

ЭНГЕЛЬС: Не было бы счастья да несчастье помогло

Что она неглупая

МАРКС: Не скажет?

ЭНГЕЛЬС: Она на тебя так смотрит

Будто бы такого у нее желания нет

МАРКС: Женни

Женни

Нужно убедить

И это можешь сделать только ты

ЭНГЕЛЬС: Для этого как минимум она должна пожелать

со мной разговаривать

МАРКС: Не беспокойся
Я на нее повлияю
Ей уже стыдно
Что она тебя осудила
(Затемнение)

Сцена 7

Та же квартира несколько часов спустя. ЭНГЕЛЬС сидит в одиночестве, курит сигару и читает газету. Входная дверь открывается, на пороге появляется ЖЕННИ. Неловкая пауза.

ЖЕННИ: Карл объяснил мне

Что я вела себя некорректно

Прошу принять мои извинения

ЭНГЕЛЬС: Это я это я прошу прощения

Я не должен был так без предупреждения

Впрочем мне понятно ваше возмущение

Но я уверяю что

(пауза)

ЖЕННИ: Да

Что будем делать с этой девушкой?

С точки зрения перспектив рабочего движения

Все это выглядит очень некрасиво

Как будто мы ее использовали

Я действительно не плачу ей уже много лет

Но вы сами знаете иногда совершенно

Негде даже одолжить

ЭНГЕЛЬС: Давайте договоримся

Я найду какие-то деньги

Только бы избежать скандала

Скандал может уничтожить

Всю партию

Нас обвинят в эпикурействе

Что я фабрикант и эпикуреец

А Карл против религии

И что мы вместе

несем нравственное разложение

ЖЕННИ: Ленхен не хочет ничего говорить

Но вы этого ребенка на себя

На себя

Даете слово?

ЭНГЕЛЬС: А что собственно за разница

Так случилось и с этим нужно что-то делать

ЖЕННИ: Это ребенок Карла?

Прошу мне ответить честно и без экивоков

Это ребенок Карла?

Вы что оба хотите чтобы я сошла с ума?

Я спрашиваю в последний раз

Это ребенок Карла?

ЭНГЕЛЬС: Нет ну отчего же

Откуда вообще такие мысли?

ЖЕННИ: Они были одни

Две недели были одни

Она добрая девушка

А Карл умеет быть убедительным

(плачет)

ЭНГЕЛЬС: Как вы можете

Как можно чтобы из-за такой глупости

Карл ведь я не хочу за него говорить

Но он вами

Он всегда говорит что вы это

Для него имеет значение только вы и произведение

Наша

Ваша

Борьба бой за то чтобы изменить

Мир

Железные законы исторического материализма

Диалектика природы

Он должен он не может он является

Прошу больше не думать об этом

Я поговорю с Ленхен

И мы это как-то решим

Чтобы вам не пришлось

Вообще беспокоиться

Вы меня знаете много лет

Если я сказал то сказал

Иначе зачем бы я говорил
Если бы я не знал зачем говорю
А раз я говорю что решу
Даю честное слово что решу
ЖЕННИ: Простите я никогда не плачу
На людях
Фоксик скончался в судорогах
А я старалась не плакать
Но слишком много слишком этого всего много
И все валится неизвестно откуда
Как эта Ленхен могла
С вами где когда
ЭНГЕЛЬС: Ленхен прошу не винить умоляю
Вы же знаете что Ленхен замкнутая
Когда этот шпик вокруг вас крутился
Вы нервничали а она хоть бы что
Ленхен не показывает вида она такая
Простая замкнутая девушка
Хорошая девушка не вините ее
ни в чем
Эта девушка лучшее доказательство того
что рабочий класс умен
И не воспринимает буржуазные предрассудки
как святыни
У нее есть свои принципы и я ее за это уважаю
Она простая но вы же сами знаете

Как она заботится о доме как старается

Как хорошо помогает

ЖЕННИ: Я знаю о Боже как все это странно ведь я вот-вот

Буду рожать

Она через два месяца после меня

И я должна всех этих детей

Чего вы от меня хотите

Чтобы я сошла с ума

чтобы вашего с Ленхен ребенка

растила в собственном доме?

ЭНГЕЛЬС: Почему же сразу в собственном доме?

Это все решается

ЖЕННИ: Да но вы ведь

Заберете ее в Манчестер

А там у вас уже есть

Насколько я знаю и даже познакомилась

Госпожа Мэри

А я одна без нее

Девочки будут в отчаянии

Впрочем а какие собственно у вас отношения?

Вы ей что-то обещали?

ЭНГЕЛЬС: Мы еще не успели поговорить

Что-то я там обещал

Я конечно же не хочу ее забирать

У вас из дома

Она вам нужна

Я к ней хорошо отношусь я ее ценю
Но это не одно и то же
Мэри это все-таки товарищ
Спутник жизни
ЖЕННИ: Не понимаю
Никогда не понимала
в мужчинах есть что-то отвратительное
Им нужно как тому паровозу
Все равно с кем
Можно со служанкой
Можно с работницей
Как это получается что вы
Относитесь к женщинам как к какому-то товару
Как животные
Одна для разговоров но любая
Другая тоже годится?
Это отвратительно просто отвратительно
ЭНГЕЛЬС: Я вас уверяю что духовность
Очень даже
Гейне так хорошо пишет
О том что Психея без Амура
Может существовать
И Психея даже важнее
ЖЕННИ: Я не буду растить ребенка Ленхен
с моими детьми
Вы меня не заставите

Ни Карл ни вы не заставите меня
Ленхен знала что делала
Пусть теперь расхлебывает
Я к ней хорошо отношусь
Но я не буду растить детей
с детьми служанки
Даже если их отец
Друг мужа
Тем более не соглашусь на это никогда преникогда
ЭНГЕЛЬС: Я не животное
Вы можете этого не понимать
Это природа а не животность
Я не могу этого объяснить
но чувства чистота чувств
мы не будем здесь торговаться у кого
чувства чище
кто жертва это трудно но не животное
просто есть такие вопросы
я знаю что вы отдаете все
но меня тоже прошу не судить
что я не все

(Входит ЛЕНХЕН с детьми)

ЛЕНХЕН: Простите
Но уже темно и девочки замерзли
Их нужно покормить
Нам пришлось вернуться потому что темно сыро

ЖЕННИ: Да да да
Девочки идемте со мной
Эдгар спит
Не будем его будить
дай я положу его в той комнате

ЛЕНХЕН: Я положу

ЖЕННИ: Нет я

ты останься тут с господином Фридрихом
вам нужно поговорить
а я уложу детей
девочки пойдемте со мной

(Выходит с детьми и закрывает дверь)

ЭНГЕЛЬС: Итак у нас проблема

(ЛЕНХЕН молчит)

Госпожа Женни

Вернее я и госпожа Женни

(ЭНГЕЛЬС запинается, ЛЕНХЕН молчит. Долгая пауза)

ЭНГЕЛЬС: Черт возьми эта пуговица
Дернул и вот почти совсем оторвалась

ЛЕНХЕН: Снимите сюртук
я пришью

ЭНГЕЛЬС: У вас еще остались нитки?

Не догадался привезти еще

ЖЕННИ: Есть есть все виды

а алмазная самая лучшая

ЭНГЕЛЬС: Новый патент изобретение моего партнера

Эрмена

Расходится как свежие булочки

ЛЕНХЕН: Хорошие действительно очень хорошие нитки

(ЭНГЕЛЬС снимает сюртук, ЖЕННИ начинает пришивать пуговицу, они сидят близко друг к другу, говорят очень тихо)

ЭНГЕЛЬС: Ты хотела ребенка

У тебя будет ребенок

Я за все заплачу

За акушерку и вообще

В разумных пределах

Но госпожа Женни не хочет

Чтобы он воспитывался с ее детьми

ЛЕНХЕН: Почему?

ЭНГЕЛЬС: Потому что она меня не любит

Не любит меня

А он ведь мой

ЛЕНХЕН: Что вы говорите?

ЭНГЕЛЬС: Ленхен это не шутки

Подумай

Если это раскроется

это конец конец

нас высмеют

работы господина Карла

высмеют все все рухнет

ты же умная

играешь с господином Карлом в шахматы

и выигрываешь

Ты знаешь что он взвалил на себя

Труды всего пролетариата

Всего рабочего движения

что это великий человек

и он строит для всего мира

базис для нового лучшего строя

А госпожа Женни хоть и баронесса

посвятила себя его работе

и тоже страдает

у нее умер ребенок

а она не сомневается

а вместе с нами плечом к плечу

ЛЕНХЕН: Я своего ребенка в приют не отдам

ЭНГЕЛЬС: Кто говорит отдать?

Кто говорит о приюте?

Мы найдем какое-нибудь хорошее

Разумное семейство чтобы в любое время

Когда ты захочешь ты могла его увидеть

Я заплачу чтобы они заботились лучше чем о своих соб-

ственных

У тебя все будет под контролем

Где-нибудь недалеко

В Лондоне в этом же районе
А я буду платить
Буду регулярно платить
Могу дать тебе честное слово
Ты же меня знаешь
Мое честное слово
Лучше векселя Ротшильда
Ты же знаешь вся планета
Уважает векселя Ротшильда
Да и твоей семье не обязательно знать
Что с тобой случилось
кому какое дело
ЛЕНХЕН: Меня моя семья не интересуется
ЭНГЕЛЬС: Это только так говорится
Это всего лишь так говорится
Мои братья меня например не интересуют
Но неприятности они мне могут устроить
Не знаю как там у тебя
Но моя семья вполне может отравить жизнь
И лучше чтобы им не все было известно
Ну так что соглашайся
это как у дантиста
Вырвешь зуб и сразу забудешь
а с больным ходишь и ходишь
Ты же умная
и знаешь бывает необходимость

когда просто нет выхода и есть необходимость
но важно чтобы это была не слепая необходимость
а осознанная

чтобы сознание определялось необходимостью

ЛЕНХЕН: А господин Карл тоже этого хочет?

ЭНГЕЛЬС: Не оставит же он жену с четырьмя детьми

Он не из таких

Сама видишь он в отчаянии

Не хочет чтобы жена ушла

Не хочет чтобы ты ушла

ЛЕНХЕН: Не хочет?

ЭНГЕЛЬС: А зачем бы ему хотеть?

Ты наш можно сказать

Боевой товарищ

Мы все вместе как бы постоянно на войне

Ты знаешь сколько у нас врагов

И они только и ждут чтобы с нами случилась трагедия

потому что видишь ли

Наша трагедия это для них фарс

Они будут смеяться над господином Карлом

над госпожой Женни

над тобой надо мной

Первый раз трагедия

А второй – уже фарс

(пауза)

Ты думаешь я что

Я тоже ему всего себя отдаю
все отдаю
потому что не обо мне
не о тебе а о человечестве
о спасении человечества
только почему я в этом
Я мог бы собственно
что будет если я уйду
Я пошел
ЛЕНХЕН: Подождите

(пауза)

Так что я должна делать?
ЭНГЕЛЬС: Давай возьмем это на себя
Ребенок родится тайно
Отдадим его хорошим людям заплатим
Я заплачу
И будем
Ты сама будешь следить
все время
как этот ребенок растет
Вместе будем
ЛЕНХЕН: И господин Карл этого хочет?
ЭНГЕЛЬС: Конечно хочет
Ведь иначе враги его уничтожат
Ведь они только этого и ждут
Я знаю что это трудно

Так пожертвовать своим достоинством
Обречь себя на страдание отдать своего ребенка
но ты же сама знаешь
что есть дела поважнее нас
ЛЕНХЕН: Но я этих людей
я такую семью
Должна найти
я должна их проверить
Чтобы быть уверенной
ЭНГЕЛЬС: Конечно конечно конечно
Найдешь вместе найдем
будем обсуждать чтобы все
все было оговорено чтобы не было
никакого опасения что какой-то вред
ну где

(В комнату входят ЛИБКНЕХТ и МАРКС. Они были
в пабе и выпили по паре кружек)

МАРКС: Гегель совершил фундаментальную ошибку
Он не учел до конца не учел
Что жизнь человека как индивида и его жизнь как
представителя вида
Это не разные вещи
Хотя форма индивидуальной жизни естественным обра-
зом
Является скорее частным
Или скорее более общим проявлением жизни видов

так же как жизнь видов является более частной
или более общей индивидуальной жизнью

Понимаешь

ЛИБКНЕХТ: Не вполне

МАРКС: Человек является совокупностью общественных
отношений

ЛИБКНЕХТ: Теперь понимаю

МАРКС: Вот возьмем банкира Лаффитта

Он когда после поражения революции отводил герцога
Орлеанского

В ратушу то пожал ему руку

И говорит

«Теперь будут править банкиры»

Понимаешь

Теперь будут править банкиры

И правят и еще долго будут править

Если мы что-нибудь

Садись

Если мы не поймем

что нужно подождать кризиса

И только когда наступает кризис

Вцепляться им в горло

Потому что когда нет кризиса

То мы мало что можем

Максимум объяснить рабочим

Что буржуазия их использует

Что капитал сосет кровь из рабочих как вампир
И вынуждает расплачиваться за свои кризисы пролетари-
ат

Но нельзя бездумно ввязываться в борьбу

Потому что они нас а не мы их

Потому что они раздавят нас как клопов

Важно что у нас есть хорошие новости

Потому что Энгельс говорит

Что у него там в Манчестере

Куда ни кинь паника и банкротства

Так что может как-нибудь дождемся

Что все это самое большее через полгода рассыплется

Бац... и рассыплется

ЭНГЕЛЬС (*подходит к МАРКСУ, словно собираясь его ударить. Кричит*): А если не рассыплется?

МАРКС: Если не рассыплется

То будет циркулировать

(Входит ЖЕННИ, за ней две дочки)

Девочки не могут уснуть

Эдгар заснул а девочки хотят спать но не могут заснуть

Потому что очень шумно

ЭНГЕЛЬС: Простите

МАРКС: Простите

Мы будем вести себя тише

ЛИБКНЕХТ: Простите я уже уйду

МАРКС: Ты забыл

Дядя Фридрих

Привез Шато Марго две бутылки

И надеюсь что он не выпил их без нас

ЛЕНХЕН: Сейчас

Наденьте пожалуйста

(Подает сюртук. То, что ЛЕНХЕН одевает ЭНГЕЛЬСА, имеет значение для ЖЕННИ, которая заметно успокаивается)

МАРКС: Послушайте мы в этом пабе собственно ничего

не ели

ЭНГЕЛЬС: Есть паштет

Я привез еще паштет

МАРКС: Друг мой

Генерал Фридрих

ЭНГЕЛЬС: Перестань

Какой из меня генерал

МАРКС: Я буду называть тебя генералом

Всегда буду называть тебя так

Друг мой

Потому что ты гениальный стратег

И у тебя есть врожденный талант

Как у Бонапарта

У тебя есть дар предвидения гениальная интуиция

Например что паштет

Будет для нас избавлением

И направлением атаки

Садитесь господин Вильгельм

Вот здесь штопор

За работу

Ленхен нимфа

Есть ли у нас хлеб

ЛЕНХЕН: Есть булки

МАРКС: Тогда давайте садиться

Возьмем эти булки

Разольем это вино

Девочки тоже наверняка голодны

Фридрих ты готов

Разливать

ЭНГЕЛЬС: Сейчас

Ты ужасно нетерпелив

Бокалы паштет не порезан

В таких делах нужна точность

Тут необходимо распределение труда

МАРКС: О распределении труда я написал не одну сотню

страниц

Ну хорошо даю вам еще немного времени

Чтобы вы все точно

Женни ты садись а то как бы у тебя

Не начались преждевременные роды

Сядем будем пить вино

и поглощать этот паштет!

(Все занимают места за столом. В центре МАРКС,

справа ЖЕННИ и ЛИБКНЕХТ, слева ЭНГЕЛЬС.
Девочки тоже сели. Композиция напоминает картину
религиозного содержания. ЛЕНХЕН хлопочет)

ЖЕННИ: Ленхен прошу тебя

Садись с нами

Пожалуйста

(ЛЕНХЕН садится рядом с ЭНГЕЛЬСОМ)

Господин Фридрих господин Вильгельм Карл Ленхен

Прошу прощения за сегодняшнее

Недоразумение и мое поведение

Слишком много забот для моего ослабленного организма

Я хочу сказать, что я прошу извинения

И что я хочу выпить за ваше здоровье

ЭНГЕЛЬС: Не о чем говорить

МАРКС: Есть о чем говорить

Мы должны сказать это со всей определенностью

Наша идея

Та идея которая расставила

понимание мира и понимание истории

на свои места

Которая открыла железные законы истории

Требует жертв

И мы должны быть готовыми к этим жертвам

Все это мы делаем не для себя

а для широких масс

угнетенного пролетариата

потому что кто-то ведь должен сражаться за порядок
за то чтобы пролетарская революция сделала
мир лучше и эту борьбу
с научной точки зрения
мы уже выиграли
и приговор вынесен судьей история
а исполнителем приговора будет пролетариат
нужно только чтобы
международные
объединения рабочих
поняли почему
все мы должны бороться
почему для победы над капиталом
нельзя воспринимать других людей
как животных которых эксплуатируют
здесь недостаточно филантропии
здесь нужна революция в мышлении
революция которая объединит в братских объятиях
всех представителей угнетенных слоев
всех кого унижают и принуждают к непосильному труду
давайте выпьем за нашу борьбу
за нашу жертву которую мы приносим как Прометей
мы приносим жертву своим бунтом своим сопротивлени-
ем
и своей стойкостью
ЭНГЕЛЬС: И своей печенью

МАРКС: И своей печенью

Спасибо вам мои дорогие за то что мы вместе

ЭНГЕЛЬС: Это тебе спасибо Карл

Выпьем

За присутствующих дам

И за здоровье

Будущих поколений!

(Стоп-кадр, после которого актеры рассказывают о персонажах, которых они сыграли)

ЖЕННИ: Женни Маркс, урожденная фон Вестфален, вскоре родила дочь Франциску, которая умерла год спустя.

Затем в возрасте шести лет неожиданно умер Эдгар Маркс. Потом у Марксов родилась еще одна дочь, Элеонора.

Через пятнадцать лет в «Коротком описании полной со-бытиями жизни» Женни напишет: «В начале лета 1851 го-да произошло нечто, о чем я не хочу здесь писать подробно, хотя это принесло нам много забот, и личных, и иных».

Женни фон Вестфален умрет тридцать лет спустя на ру-ках у Елены Демут.

МАРКС: Карл Маркс так и не окончил своего монументального экономического и философского трактата под на-званием «Капитал». Он умер через полтора года после кон-чины жены. Со своим сыном Фридрихом Демутом Маркс не виделся.

Когда тот навещал свою мать, Елену Демут, Маркса не бы-ло дома. Маркс был похоронен на кладбище Хайгейт рядом

со своей женой Женни. За три месяца до кончины он узнал о смерти своей самой старшей дочери Женнихен. На похоронах Маркса было 11 человек, в том числе Фридрих Энгельс. Он выступил с речью, говорил о гении Карла Маркса, чей труд переживет века. Елена Демут до конца заботилась о Марксе.

ЛЕНХЕН: Ленхен, она же Елена Демут, родила сына Фридриха Демута и отдала его на воспитание семье Левис.

Дочери Маркса считали, что Фридрих Демут-Левис – сын Ленхен и Энгельса, а самая младшая дочка Элеонора по прозвищу Тусси осуждала Энгельса за то, что тот плохо относится к своему «сыну».

Фридрих Демут-Левис стал токарем, весьма эмоциональная и хорошо образованная Тусси ему сочувствовала. Все свои сбережения Елена Демут оставила своему сыну. Вероятно, он никогда так и не узнал, кто является его отцом. После смерти Марксов Ленхен стала домработницей Энгельса, а через девять лет была похоронена рядом с Женни и Марксом на кладбище Хайгейт.

ЭНГЕЛЬС: Фридрих Энгельс до конца жизни содержал семейство Маркс. Тайну отцовства он открыл на смертном одре, написав Элеоноре на табличке: «Фридрих Демут, сын Карла Маркса».

Из-за рака горла Энгельс уже не мог говорить, но написал это признание, чтобы Тусси не сомневалась в благородстве его поступков.

ЛИБКНЕХТ: Вильгельм Либкнехт через десять лет вернулся в Германию. Двадцать лет спустя он стал одним из основателей Социал-демократической рабочей партии Германии. Он умрет в том же году, что и Елена Демут. На его похороны пришло сто пятьдесят тысяч человек. Его сын Карл был убит вместе с Розой Люксембург за пропаганду марксистских идей.

ЭНГЕЛЬС: Через пять лет после смерти Ленхен и Либкнехта поздней осенью четверо молодых социалистов, в том числе Тусси Маркс, выполнили последнее и очень настойчивое желание Энгельса – выйдя на лодке в открытое море, они бросили в воду урну с его прахом.

Тусси и Лаура покончили жизнь самоубийством – первая через три года, а вторая через тринадцать лет.

КОНЕЦ

Перевод Леонарда Бухова

Магдалена Драб

Слабые

Иллюстрированная театральная безделица

Эти ремарки – первые и почти последние в этой пьесе. Их роль берут на себя иллюстрации, представляющие воображаемые автором ситуации. Эти иллюстрации ни к чему не обязывают и выполняют эстетическую функцию. Они могут также стать источником вдохновения для потенциальных исполнителей. Театральную безделицу можно печатать на соответствующей ей макулатурной бумаге. Герои не обидятся, потому что они не героические, а именно что банальные и слабые. Приятного аппетита.

ОДИН ТАКОЙ: Пани Анина боится смерти. Преимущественно и с рождения. Тем хуже.

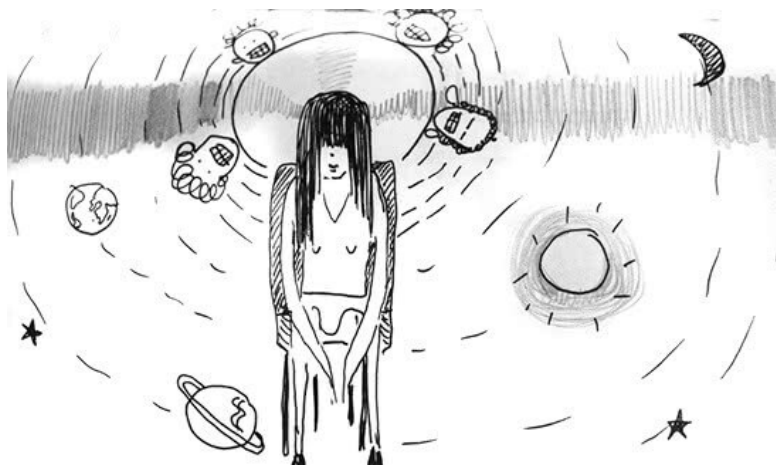
ОДНА ТАКАЯ: С пани Аниной я познакомилась в больничной палате. Она лежала рядом. Мы обе сломали ноги. Я – серьезно. А она свою сломала несерьезно. Где-то там бегала. В сущности, ничего особенного. Но поговорить нам не удалось: она постоянно смотрела в потолок. А по телевизору была интересная передача. Шоу талантов на предмет умений и внешности. Конкурс, кто съест червяка и сморщится меньше остальных. Я голосовала и эсэмэски посылала. И прого-

лосовала за победителя. У меня всегда так. Когда выборы в парламент, я тоже ставлю на того, кто выиграет, и у меня всегда получается.

ДРУГАЯ ТАКАЯ: Пани Анину я знала по балкону. Она выращивала пеларгонии разных цветов, а я всегда предпочитала сурфинии. Сурфинии – более требовательные цветы, но зато какие благодарные. Не все могут их себе позволить. Только люди самоотверженные. С амбициями. Пеларгонии – для слабаков.

ТАКАЯ ТАМ: Пани Анина? Заходите.

1

ТАКАЯ ТАМ: Как ребенок?

АНИНА: Хорошо.

ТАКАЯ ТАМ: Уже не плачет столько по ночам?

АНИНА: Не знаю. Не слышу. Зато плакал сегодня днем.

Я слышала, что плакал.

ДРУГАЯ ТАКАЯ: Все мои дети были зачаты днем. Ночью надо спать. Я всегда начинаю детей днем, отдохнувшая и в настроении. Им требуется, чтобы ты была отдохнувшая и в настроении. Вот будут у вас дети – увидите.

ТАКАЯ ТАМ: А вы как себя чувствуете?

АНИНА: Не знаю. Нормально вроде.

ТАКАЯ ТАМ: Ничего не беспокоит?

АНИНА: Немного... Нет, ничего не беспокоит.

ТАКАЯ ТАМ: Таблетки помогают?

АНИНА: Не знаю. Вроде да.

ТАКАЯ ТАМ: Настроение улучшилось?

АНИНА: Без изменений.

ТАКАЯ ТАМ: Может, у вас есть какие-то вопросы?

АНИНА: Нет.

ОДНА ТАКАЯ: К детям нужно иметь подход. Надо обозначить границы. А если им непонятно, нарисовать на полу красным фломастером. Граница у кровати и от пояса вверх, ибо нельзя позволять ребенку садиться себе на голову. Ребенок должен знать, где проходят границы, пока не сообразит, что можно определять их самостоятельно. Потому что потом, когда он уже съедет и не позвонит даже на Рожде-

ство, устанавливать границы будет слишком поздно. Поэтому нужно торопиться с выполнением родительских функций. Границы и функции. Так бы я это определила. Это кредо. У вас есть какое-нибудь материнское кредо?

АНИНА: Что, простите?

ТАКАЯ ТАМ: Точно никаких вопросов?

АНИНА: Я хотела узнать, почему эти таблетки в виде цветочков. Это идиотизм.

ТАКАЯ ТАМ: Иногда их дают людям, которые не хотят пить лекарства по собственной воле.

АНИНА: И те соглашаются, потому что они в виде цветочков?

ТАКАЯ ТАМ: Им так легче. Цветы навевают приятные ассоциации.

АНИНА: Какие, например?

ТАКАЯ ТАМ: Они как конфеты. Больной чувствует себя ребенком.

АНИНА: Я не чувствую себя ребенком, значит, я не больна?

ТАКАЯ ТАМ: К чему вы клоните?

АНИНА: Меня раздражают эти цветочки. Может, они не для меня. Мне после них не лучше, а тот факт, что они розовые и в виде цветочков, унизителен. Меня это злит.

ТАКАЯ ТАМ: Почему?

АНИНА: Потому что я в плохом настроении, а они розовые и в виде цветочков, что тут непонятного.

ОДНА ТАКАЯ: Я спрашиваю, есть ли у вас как у матери какое-то кредо. Месседж, который вы бы могли передать другим матерям.

АНИНА: Нет, пожалуй, нет.

ОДНА ТАКАЯ: Я так и думала. Но вы не огорчайтесь. Вы еще молодая.

ТАКАЯ ТАМ: Вы бы предпочли, чтобы они были черные?

АНИНА: Я бы предпочла, чтобы они действовали.

ТАКАЯ ТАМ: То есть вам не становится лучше после этих таблеток?

АНИНА: Они не так плохи, если бы не тот факт, что они в виде цветочков. У вас есть какие-нибудь нормальные таблетки для взрослых?

ТАКАЯ ТАМ: Я могу прописать, например, аспирин, но боюсь, он не поможет.

АНИНА: Я же упоминала, что у меня проблемы с чувством юмора?

ТАКАЯ ТАМ: Я дам вам другие таблетки. Но есть одна проблема. Они в виде зеленого горошка.

АНИНА: Вы надо мной издеваетесь?

ТАКАЯ ТАМ: Нет. Просто мы уже израсходовали слабые лекарства и перешли к более сильным, а они все такие с приколами.

АНИНА: У вас нет каталога?

ТАКАЯ ТАМ: К сожалению, нет.

АНИНА: Тогда попробуем зеленый горошек.

ТАКАЯ ТАМ: А может, вы просто останетесь в больнице?

АНИНА: Не могу. Мне надо приготовить ребенку ужин.

Я и так уже слегка засиделась.

ОДНА ТАКАЯ: И вот это уже кредо. «Мне надо приготовить ребенку ужин», – звучит. Можно сделать это основным лозунгом какой-нибудь кампании на тему материнства.

ДРУГАЯ ТАКАЯ: Даже не знаю.

ОДНА ТАКАЯ: По-моему, очень хороший лозунг.

ДРУГАЯ ТАКАЯ: А по-моему, с детьми нельзя так деликатно. Если с ребенка все время сдувать пылинки, он вырастет последним недотепой. Разок не поужинает – может, научится наконец сам делать бутерброды. Как-то одна женщина спросила меня, можно ли дать ребенку такую-то кашку, ведь ее малышке всего полгода. Полгода карапузу, а она кашку боится давать. Я ей и говорю: «Милая, мой Брайанчик в четыре месяца голубцы ел». Вот мой ответ всем этим страдающим матерям, этой проклятой мартирологии и другим стабат матер долороса.

ОДНА ТАКАЯ: Аминь.

АНИНА: Однажды, давным-давно, за фиговым листком возникла маленькая шишечка. Маленькая, как подушечка пальца. «Может, ты слишком много поднимала», – сказали. Теперь ты должна ходить в корсете и поднимать разве что стакан воды и ставить обратно. Не более того. Иначе весь живот вытечет и уплывет в эту шишечку, а у тебя внутри останется одна пустота. Дыра. Жить с дырой и с шишкой – только пространство переводить. Надевай корсет. Надевай корсет. Корсет затянули и – плюх. Выпало маленькое. Как бы похожее, но такое, что плакать хочется. И так родилась любовь.

Родилась на восьмой день – столь поздно, что о ней не вспомнили, и Каин успел убить Авеля, Лайка пропала в космосе без сухого пайка, а тридцать три миллиона человек стерли в пыль в ходе одной заварухи по какой-то незначительной причине. Незначительные причины – именно они управляли миром, пока не родилась любовь. А потом была уже только она, и разочарование от нехватки, неполучения этой любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.